

На стекле маршрутки капли дождя чертили свой незамысловатый узор. А в моем городе в это время еще везде снег, и дождя не будет как минимум месяц. Хах, когда я оказалась на берегу моря первый раз зимой я пробовала снег, падающий с неба, я почему-то думала, что он будет соленый, и это в одиннадцатом классе, кошмар.

Тогда я приехала с бабушкой на зимние каникулы на три дня, чтобы узнать о поступлении в университет, самым главным мотивом поездки, была встреча с Вадимом. Я жутко волновалась.

- Я надеюсь, что голову ты не потеряешь, - бабушка обратилась ко мне, когда я пила чай перед встречей.

Бабушка сказала это железным тоном, это точно моя бабушка? Она всегда говорила тихо, и никогда никого не осуждала.

- Баб, конечно, я буду умницей.

Я вышла из частного кирпичного дома. По улице изредка проходили мужчины, потому что только на них я обращала внимание. А вот тот он или не он, я ведь не видела его в куртке. Все мужчины были одинаковые, но я верила, что сердце замрет, когда издалека будет идти Вадим, но нет, его я узнала, только когда он подошел ко мне .

- Нормально доехали? – он взял меня за руку, - МЧС штормовое движение передал и трассу закрыли.

- Мы на электричке ехали до города.

Все полгода я мечтала, что вот так он возьмет за руку и будет со мной идти. Только на остановке мы поцеловались. Потом пошли в кино, содержание фильма я не помню, потому что мы занимались тем, о чем я мечтала все это время до встречи – безостановочно целовались и были

рядом. Я знала, что завтра у нас еще один день. О предстоящем расставании, мозг думать отказывался.

С утра мы с бабушкой сходили в университет, владелец дома, где мы остановились, преподавал Безопасность жизнедеятельности в моем будущем университете. Все, что я узнала в приемной комиссии, можно было бы узнать из дома. Но я походила по мраморному полу, рассмотрела модель парусника в холле главного корпуса, и поняла, что это единственное место, в котором я хочу учиться.

- Бабуля, я буду благоразумной, - я чмокнула бабушку, - дома буду в семь.

Впереди целый день вдвоем. Только в этот раз фильм смотреть я не могла. Это было ужасно – Вадим меня целует, а я реву, потому что знаю, что его снова не будет рядом целых полгода.

- Какой подарок ты хочешь? - мы вышли из кино и пошли гулять.

- Я не знаю, ничего не хочу.

Мы подошли к рынку, на зимнем рынке в этом городе я не была ни разу. Все продавали мандарины. Может быть, где-то и продавали другие фрукты, но ничего кроме коробок с разными сортами мандаринов, я не видела.

- Давай, купим? – он потянул меня к прилавку, - маме отвезешь?

- Нам три дня ехать, я не довезу.

- Тогда давай перчатки, смотри какие руки у тебя холодные.

Мы выбирали перчатки, я знаю, что зима у нас еще вся впереди, и расставаться с ними я не буду.

Потом мы ехали в троллейбусе, я надеялась, что нам дадут счастливый билет, но нам его не дали, и жевать грязную бумагу мне не пришлось.

Мы расстались, что бы потом встретиться, голову я не потеряла.

А теперь Я держу в руках телефон. Почему я не спрашивала раньше у него про детей? Вдруг он их вообще не хочет. На остановке зашла наша преподавательница по английскому языку, ей было двадцать пять, а она уже по утрам отводит дочку в детский сад, и едет преподавать нам морской английский.

Телефон завибрировал – «Я всегда хотел троих». Улыбку сложно было сдержать, один возможно уже есть. Ну как есть, еще даже тест не делала, с чего я решила, что беременна? По сути даже задержки нет, не тошнит и никаких других медицинских симптомов, но вот внутренний голос говорил: «Ты уже не одна, купи куриную печенку, вам полезно».

Домой я попаду еще не скоро, надо сделать фото, отдать документы для смены паспорта, потом обязательно заехать в магазин, раз я в городе.

Фотографироваться не люблю, особенно на документы – щеки всегда получаются слишком большими, если я не улыбаюсь, волосы, даже если до этого старательно причесывала, торчат в разные стороны, про цвет лица и прыщики можно не говорить.

- Расстегните верхнюю пуговицу на рубашке, - пожилой фотограф явно хотел, чтобы мне все понравилось с первого раза, - зеркало, если что вон там.

Я расстегнула пуговицы, расплела косичку, начесала волосы, слегка улыбнулась - на официальном фото нельзя показывать всю ширину зубного забора. Пару раз щелкнул фотоаппарат, он сел за компьютер и подозвал пальцем.

- Вот смотри, нравится?

-Да.

А мне и правду понравилось, это нормальное фото живого человека. Он убрал покраснения на щеке и сделал губы чуть более розовыми, с такой улыбкой можно стать учредителем конкурса «Мисс добродетельность».

У окошка в паспортный стол стоял мужчина.

- В третьем кто последний?

- Я, - он переложил папку с бумагами из рук в руки, - если что передо мной еще четыре человека.

Четыре человека – это мелочи, значит я не задержусь до вечера. Спустя час, я поняла, что радоваться было не чему. Очередь просто стояла. Я вышла из здания через пять часов. Как можно так долго принимать заявление на перевыпуск паспорта? Ну и ладно, я вышла на воздух, мне хотелось дышать и гулять, беременным полезно. Дождь закончился, но с гор бежали ручьи, которые разливались на дороге, приходилось скакать.

Подождала маршрутку, впереди было свободное место. Молодой водитель весело глянул.

- Поехали, покатаемся?

- Спасибо, мне домой надо.

Что за предложения такие? Я же не мартышка, чтоб по городу кататься. Меня дома ждут, да я и сама ни одной лишней минуты не пробуду в городе, без Вадика.

В гипермаркете я набрала мяса, овощей и фруктов, все как положено.

Вечером многие заезжают в него, во всех кассах была очередь, искать без людей не представлялось возможным.

- Вам не хватает десяти рублей, - кассирша устало посмотрела на бабушку.

- Подождите, - сухими руками она высыпала монетки из старого пакета из-под молока, - я сейчас поищу.

Я очень хотела домой, и потом, что такое десять рублей для кусочка добра.

- Возьмите, пожалуйста, - я протянула монетку.

Кассирша щелкнула языком, бабушка торопливо отошла в сторону и смущенно кивнула. А я стала собирать продукты в пакет, думая о том, что я сделала вроде хороший поступок, но можно ли его считать хорошим, если я заранее рассчитываю получить ответное добро.

Пакет был тяжелым, не зря говорят, что нельзя ходить в магазины голодными. Я шла на остановку, чтобы доехать до конца города, там меня заберет Вадим. Удивительный город, с одной стороны у него есть только одна дорога для выезда, и можно с точностью до дома сказать, что вот здесь он заканчивается.

До остановки мне оставалось дойти шагов двадцать, когда пакеты кошачьего корма, под давлением остальных продуктов, разрезали полиэтиленовый пакет. Куча продуктов лежали на тротуарной плитке на середине пешеходной дорожки. И что вот с этим делать – другого пакета не было, идти за другим явно не вариант, в моей лавочке каждый найдет себе недостающий провиант. Я стояла и улыбалась, мне так хотелось рассмеяться на всю улицу, но тогда точно никто не поможет.

- Ой, у Вас все рассыпалось, - ко мне подошла мама с дочкой моих лет, - Даша, иди, сходи за пакетом.

- Спасибо большое, - я кивнула.

Мама Даши оглядела гору покупок.

- Кошечке купили корм, - она села на карточки и стала сортировать покупки, - у нас тоже все время были котята дома. Надо девочек в садик

будить, а жалко. Им подсунешь теплый комочек, они просыпаются, и с улыбкой идут завтракать.

- Кошки, это хорошо, - я переминалась с ноги на ногу, что же еще такое сказать, - спасибо. Я не знала, что делать.

- Да с кем не бывает. Вон она, красная шапочка наша идет.

Даша встряхивала пакет.

- Представляете, там очередь была, - она села на корточки, - не хотели пускать.

Мы втроем собирали продукты, мне стало стыдно за свое обжорство. Я еще раз поблагодарила и пошла на остановку.

- Солнышко, ты где? – Вадим набрал первый, - я уже приехал.

- Я еду уже, - у меня выскользнул телефон под сиденье, - вот черт.

Рукой достать не удалось, пришлось залазить под сиденье полностью, а я так хотела посмотреть на порт. Но меня еще ждет дорога вдоль моря, когда мы поедем домой.

Ветер под вечер частично расчистил небо от туч, закат подсвечивал город. Если посчитать сколько раз я уже ездила по этой дороге, наберется больше раз, чем дней в году. Дорога была одна, но город в разное время суток был разный. Он вообще был разный, интересно я когда-нибудь стану его частью?

Я вышла на конечной остановке и перебежала дорогу. Вадик рылся в багажнике.

- Ничего у тебя пакетов, - он поцеловал в щеку.

- Поедем, я устала, - я села в машину и стала искать свою любимую песню, - Look, look in the candle light...

Я подпевала как могла, придумывая те слова, которые я не могла разобрать. Самая любимая дорога. Когда приезжают туристы и

восхищаются красотами, я их без малого ненавижу. Разве они, приехавшие на несколько недель, могут полюбить эти извивающиеся повороты, манящее море, ожидающие корабли и приплывающих дельфинов? Человек, который любит это, будет здесь жить. А еще я ревновала к морю, иногда мне хотелось сказать в мегафон: «Девушка, с желтым матрасом, немедленно выйдите из воды. Что вы там плещитесь, перестаньте хлопать по воде».

- Как учеба? – Вадим потрепал меня по руке, - я тебе вкусняшек купил.

- На Тусе оснастку судна проходили,- я сделала тише, а какие вкусняшки?

- Не знал, что ты захочешь, - Вадим поудобней устроился на сидение, - поэтому взял попробовать рыбу-луну, твою фасоль в томатном соку и орешки, конечно.

Интересно, а потом когда я закончу учебу, Вадим меня также будет встречать после работы? И мы будем ехать, и петь песни вместе, а справа будет все такое же родное море. Где мы будем жить? Я хотела бы жить в городе, так чтобы окна выходили на море. Лучше – в старом доме, в квартирах, где до нас жили капитаны дальнего плавания со своими семьями. Не хочу жить с его мамой в поселке: я хочу готовить Вадиму, что он хочет; хочу ездить с ним на рыбалки, когда он захочет.

Маргарита Викторовна ушла уже спать – ей завтра в 6 часов утра выходить на работу. Палас на кухне не грел, выполняя декоративную роль,

- Ты опять без носок? – Вадим пошел в коридор. – Тапочки хотя бы надень, с пола холодом тянет.

- Я не хочу, ты же знаешь, что я с детства их не люблю.

Он принес мне тапочки, у меня не оставалось выбора как принять неизбежность с уютными совами.

- Мне кажется, я беременна. Завтра тест возьму. Что будем делать, если да?

- Воспитывать, - Вадик поставил тарелки, - неожиданно. Но я рад. Тебя тошнит?

- Не, просто ощущение такое, - я взяла вилку, - ты не заметил, я другая. Давай еще морскую капусту откроем?

Вадик отломил себе большой кусок белого хлеба, поразительный аппетит и никакого жирка ни в одном месте, полная противоположность меня. Я даже эксперимент ставила – если поем на ночь мясо, то утром поправляюсь на полтора килограмма, может быть жидкость, но потом они не уходят, а оседают на ногах, мне бы метаболизм как у Вадима.

- На вид она специфичная, - я повертела рыбу-луну, - и на запах тоже.

- Не хочешь, тогда чай будем пить.

Я встала за кружками. Мне нравится делать ему чай, насыпать сахар (еще одно отличие – я никогда не пью с сахаром), нести в комнату, ставить кружку и получать заслуженные объятия.

- Сиди, я все сделаю, - он отобрал кружки.

Вадик поставил орешки на стол, ну как не взять один, хотя наверное не надо на ночь, тем более во время беременности вес итак будет быстро набираться, я отдернула руку.

В нашей комнате тускло горела энергосберегающая лампочка, поэтому я всегда выбирала в пользу настольной лампы.

Эту лампу я купила еще в первую осень, мне хотелось создавать уют всеми способами. Мы возвращались из города, и заехали за предохранителями для машины.

- Смотри какая, к обоям подойдет, - я показала на лампу.

- Если хочешь, давай возьмем, - Влад подошел ко мне с упаковкой цветных квадратиков, - а нам денег хватит до зарплаты?

Я взяла ее вместе с коробкой:

- Хватит, мне мама перевела.

С тех пор, она стала моей самой любимой вещью в комнате, потому что она была моей.

Все в комнате осталось в наследство от сестры Вадима, которая переехала в свой дом по соседству. Мне нравилась зеркальная дверь шкафа, обои в широкую полосу, просторная кровать. Но хозяйкой я себя здесь не чувствовала, я как будто продолжала жить у родителей, или у бабушки, только с любимым человеком.

- Давай сразу спать, - Вадик расправил спину, - смотреть сегодня ничего не будем.

Я тихонько прикрыла дверь и закрыла жалюзи.

- Тсс, - я проскользнула под одеяло, и прижалось к нему ближе, чем для обычного сна.

- Не, вдруг тебе нельзя, - Вадим отстранился, - перевернись, я тебя обниму.

Никогда не было проблем со сном, я всегда отрубаясь, как только касаюсь подушки, не просыпаясь до самого утра. Вот и в этот раз, я поняла что засыпаю, а ведь я хотела полежать и помечтать о будущей жизни втроем.

- Спи, спи, - он уже застегивал рубашку, - ты на учебу не поедешь?

- Там одна пара, - я потянулась, - тем более, сегодня ответственное мероприятие.

Вадим взял китель со спинки стула, подошел ко мне и поцеловал.

- Сразу позвони, как что узнаешь.

Я закрыла глаза, тяжесть сна еще не прошла, но я же не могу отпустить завтракать его одного. Я не хотя встала и накинула халатик из вискозы, доставшейся тоже от сестры Вадима .

- Буду завтракать, - я поежилась от утреннего холода, который шел от пола и стен, - может быть сразу пойти в аптеку?

- Довезти? – Вадик наливал кофе на двоих, - тебе, наверное, нельзя кофеин.

- Потом поем, - я посмотрела в окно, - там солнце, и я буду медленно одеваться, так что едь без меня, не жди.

Весело светило солнце, вот что значит юг - всего лишь середина марта, а уже зелень везде и солнце греет так, что хочется посидеть на лавочке, подставляя разные бочка. Можно ходить в одной ветровке, и ты не замерзнешь, это моя вторая весна, а я все не могу привыкнуть.

Провизор в аптеке была молодая девушка, было немного стыдно покупать тест, но она же как врач, должна хранить тайну. Хотя какая тайна, меня здесь все равно никто не знает.

Сделав все по инструкции, я стала рассматривать полосочки. Вроде проступила, или нет, или это солнце так падает. Или есть, или она недостаточно розовая.

- Вадик, я не знаю, - я запыхтела в трубку, - не понятно.

- Может быть еще рано?

- Уже можно. Я посмотрела у вас здесь можно кровь сдать на ХГЧ, я пойду схожу.

- Подожди меня, на обеде вместе поедем.

Я стала собираться, недавно купила ботильоны на очень высоком каблуке. Ходить в них было невозможно, но раз мы на машине, то пожалуй можно, я зарылась в шкаф.

Кому-то дано уметь хранить одежду. У меня был хаос, даже если я гладила майки, они становились мятыми, сразу после того, как я искала свитер. С плечиков все падало вниз, и оставалось лежать на коробках, я бы хотела не искать вещи и не гладить их два раза: после сушки и перед выходом.

Больше всего места занимало зимнее пальто, его мне передала Маргарита Викторовна, еще в начале первого курса, когда про холод можно было не вспоминать.

- Смотри, хорошее ведь? – она встряхнула его с плечиков и протянула мне, - померяй, вдруг подойдет.

Я покорно согласилась, вариантов не много, я же не скажу, что такое пальто носила еще моя бабушка, и пахнет оно старым шкафом.

- Тебе так идет этот бутылочный цвет. Повернись, - она присела на корточки, - только подкоротить надо. Марина выше тебя, ты в нем путаться будешь. А так оно очень теплое, знаешь, какие здесь ветры дуют? Все равно, что нагишом идешь.

От силы я пару раз надела это пальто, оно было тяжелое, даже если у него оставить только рукава, я все равно бы в нем путалась. Но я же

понимаю, что мне его дали с самыми лучшими намерениями, чтобы я зимой не ходила голая.

В санатории никого не было, меня сразу позвали в кабинет.

- Подними рукав, - медсестра готовила иголку, - сама то ребенка хочешь?

- Хочу, - я улыбнулась.

- А парень твой? вы не женаты? – она вколола иголку в вену.

- Тоже хочет, - я поморщилась от вида наливающейся крови, - пока нет.

- В понедельник приходи за результатом.

Вадим взял за руку, и мы спустились вниз. Санаторий находился на самом берегу моря, слышно было, как галька ударяется друг о друга.

- Ничего подождем, - Вадик открыл дверь, - нам, если что долго ждать. Хочешь чего-нибудь?

Хотелось, как улитке спрятаться в своем домике и не показывать голову, а просто побыть наедине со своим счастьем. Все равно, даже ожидание может быть приятным.

Нас встретил Тоша. Он любил всех, кто разрешает ему бегать на свободе, я была не против отпустить, не моя же собака. Пыльными подушками на лапах он испачкал мне юбку, начал тереться своей мордой чуть выше бедра. А вдруг что-нибудь почувствовал?

Наша кошка, кстати, тоже что-то знала. Она стала прыгать на мой живот с разбегу, приятно мало, приходилось закрывать дверь в комнату, чтобы она не совершала свои набег.

Это была не совсем наша кошка, точнее она сначала была совсем не наша. Однажды ночью я проснулась от того, что у меня над головой кто-то скребется. Я пролежала всю ночь, боясь шевельнуться, а утром спросила у Вадима:

- Ты слышал что-нибудь ночью?

- Слышал, мыши это были.

- Нужна кошка, - я поставила ноги повыше, - они запах почувствуют и убегут.

- Кошка – это не панацея.

- Панацея, давай я у соседей попрошу на один день, я видела у них котеночка.

Маргарита Викторовна и Марина любили кошек, но жило у них три собаки. Поэтому я пошла спрашивать разрешения о кошке на час.

- Можно от соседей кошку принести, мыши скребутся? - я подошла к Маргарите Викторовне, которая проверяла, скрепит ли дверь, или ей просто кажется, - до вечера.

- Возьми, только следи, чтобы собаки не сцапали, - дверь все-таки скрипела, - я тоже слышала мышей. Вадима надо попросить, чтобы смазал, у него же масло в машине есть?

Я пошла к соседям, у них совсем не было двора – сразу вход в дом. Я постучала.

- Простите, а у вас кошка же есть? Можно нам ее взять до вечера, у нас мыши.

Мужчина кивнул и сходил в дом за трехцветной кошечкой.

- А как ее зовут? – он протянул на одной руке кошечку.

- Никак не зовем, - я спрятала ее морду к себе в куртку.

Я бы не дала чужой девочке, которая с детства мечтала о кошке, своего кота, пусть даже и до вечера.

Назвали ее Маруся, брали к себе, если видели, что она гуляет, а если не гуляет, то звали: «Маруся! Маруся!», и она выбегала. Сначала я одна ходила за кормом – она была вечно голодной и накидывалась на корм каждый раз, потом стала ходить Маргарита Викторовна. В один из выходных дней она сказала:

- Это не дело, вы как школьники: «А Маруся выйдет погулять?», - она взяла Марусю на руки, - поговорите с хозяевами, может быть, ее отдадут. Она им все равно не сильно нужна, если они ее не кормят; и не ласковая она, значит с детства не гладили.

- Мам, а собаки?

- Она боевая, ты же видишь какие у нее лапы большие, - Маргарита Викторовна вытянула Марусину лапу, - и бегают она быстро.

Соседи разрешили, Маруся оказалась самым главным лекарством от мышей, хоть ни одну она не поймала. Спала всегда в ногах и никогда сама не шла на руки.

Вадим поехал на дежурство дальше, а я осталась в огромном доме одна, но я не чувствовала себя одной, да я и не была одна, я же знаю что внутри меня есть кто-то крохотный, но он уже такой какой есть сейчас. Я вспомнила сказку, которая в детстве у меня была записана на кассете. Про принцессу, мама которой всю беременность ходила и смотрела на розы, поэтому она родилась такой красивой. После результатов стану каждый день рассматривать Айвазовского, обязательно начну рисовать, и буду больше читать.

Я полистала яркую кулинарную книгу грузинской кухни, Марина собирала серию этих книг, я взяла одну, переписать рецепты. Я люблю фасоль, всегда хотела научиться готовить лобио. В холодильнике нашла пару веточек кинзы, над печкой в хлопчатобумажном мешке висели грецкие орехи, в шкафу запечатанная упаковка фасоли.

Я открыла кран, вода обрызгала меня, теперь придется ходить в мокром платье. Буду делать все строго по рецепту – фасоль добавила после того как закипела вода, уменьшила огонь и забралась читать на стул классику мировой литературы - «Унесенные ветром».

На часах уже пять, скоро придет Маргарита Викторовна. Вода в кастрюле практически вся выкипела, я быстро дорезала кинзу, измельчила орехи и все смешала. Хлопнула дверь.

-Что варишь? - Маргарита Викторовна с порога сразу прошла на кухню, - а лобио... оно у меня тоже никогда не получается. У Марины надо было спросить.

Поразительная способность определять уровень качества блюда, не попробовав. Вот что значит опытность. Сегодня суббота, а значит подойдет Марина, и они вдвоем будут обсуждать, какие технологические этапы я не соблюла. Я быстренько ретировалась в комнату.

- Мам, привет, - я легла поудобней, - на море сегодня ходила, шторма уже не было. Вы как?

- Папа еще с учебы не пришел, все нормально? – мама определила с трех тысяч километров мое настроение. Голос какой-то грустный.

- Да не, нормально. Сейчас механику буду учить, в понедельник лаба, надо подготовиться.

Ой, а ведь и правда. Но в понедельник можно пропустить, напишу потом на паре, он адекватный, разрешит. Вообще он меня пугал. У него

была шишка размером с теннисный мячик, чуть выше левой брови, я думала, с таким невозможно ходить, но мало того что ходил, еще и настроение у него всегда хорошее.

Захотелось мороженого, я никогда не пробовала мороженое-батончик. Интересно, оно такое же как и шоколадка? Ближайший магазин был через дорогу, но одеваться и идти мне не хотелось, значит не так сильно и хотелось мороженого.

Внизу улицы поднималась машина – это Вадик, только у него так гудит мотор или двигатель, или просто что-то с выхлопной трубой. Я вышла встречать, после долгого дня, мы оказались рядом, я повисла на нем.

- Я не знаю как у тебя в семье, - Маргарита Викторовна поставила кружку на стол, - но у нас в семье не показывают свои эмоции.

- Да ладно, мам, - Вадим снял фуражку, - мы просто обнялись, целый день друг друга не видели.

Она пожала плечами и ушла к себе. Год назад у нас были чудесные отношения: я приходила к ней на работу, ходила вместе с ней за мясом, обсуждали жизнь ее знакомых, - и пусть хоть кто-нибудь скажет, что так не делает, я ему не поверю. Но прошел год, после моего приезда, и наши отношения изменились - что-то среднее между покровительством и снисхождением. И конечно, я все делала не так как Марина, ее старшая дочь.

- Я тебе мороженое-баунти привез, - Вадик достал из кармана мороженое, - может быть, захочешь.

- Спасибо, спасибо - я потянула его в комнату, - как ты узнал, я хотела его попробовать.

Вадик постучал по виску:

- Просто я о тебе постоянно думаю, говорил же.

Тихий спокойный вечер, я вышла на улицу. Редкая машина проедет внизу улицы. Птицы утомонились и легли спать, завтра вместе с солнцем надо начинать новый день. Пахнет морем, море оно не только у самого берега, оно начинается еще за двести километров до него, а может быть еще раньше – когда ты начинаешь ждать встречу с ним. Цвели тюльпаны, на ночь они сложили свои лепесточки в кулачок, но все равно можно было разглядеть их желтые бутоны.

- А ты чего здесь стоишь, - подошла Марина, сейчас будет кормит собак.

- Воздухом дышу, - я отодвинулась к стене, - сегодня тепло.

- Тепло, - она зачерпнула кашу и ляпнула в миску, - некоторые специально приезжают на юг и выходят замуж, только чтоб здесь жить.

Серьезно? Если бы я хотела просто выйти замуж с целью южной прописки, то я бы нашла какого-нибудь богатенького владельца гостиницы, или его наследника, это не являлось проблемой. Нет никаких проблем – два человека счастливы рядом, и без разницы, что думают по этому поводу родственники и окружение. Счастье – оно здесь и сейчас

-Что-нибудь случилось? - Вадик посмотрел из-за компьютера.

-Ничего, - я стала раздеваться, - играй, я лягу спать.

3

Следующий день Вадим дежурил в ночь, Маргарита Викторовна снова идет на работу, но поскольку воскресенье, то на час позже.

Мы не слышали, как хлопнула входная дверь, и закрыли дверь. Наверное, в молодости никто не жалуется на сон. Моя бабушка встает в четыре, Маргарита Викторовна в пять и они чувствуют себя весь день

нормально. Неужели я в старости буду так же праздно шататься, и пить кофе или цикорий по утрам и не хотеть спать?

В девять мы открыли глаза, повернулся замок – это Марина приходит кормить по утрам собак, сейчас возьмет огромную кастрюлю со скрюченными лапами и похлебкой, покормит, постоит с ними, и потом можно будет вставать.

- Чем сегодня будешь заниматься? – спросил Вадик между традиционными утренними поцелуями.

- Я пойду побегаяю, на тренажерах позанимаюсь.

- Может быть, лучше не бегать? Ну или чуть-чуть - тебе нельзя перегружаться.

Я ненавижу бегать. Можно плавать, играть в настольный теннис, бадминтон, кататься на лыжах и коньках. Люди бегают некрасиво - если бы гепарда и Усейн Болт побежали рядом, то это было похоже на соревнование двухколесного (пусть даже скоростного) велосипеда и Феррари. Но когда рядом море, и ты бегаешь для того чтобы твои клеточки обогатились йодом и микроэлементами, то бег становится не таким плохим времяпрепровождением. Еще неделю назад я бегала на маяк, а потом заворачивала на набережную, где стоят тренажеры.

Отличная программа, по поддержке здоровья населения.

- Получается, - я включила чайник, - я готовилась к беременности.

- Не мой, я помою, - Вадик быстро допил кофе, - как ты готовилась?

- Ну, я же уже месяц бегаю и на тренажерах качаюсь, - я потянулась за полотенцем, - давай буду вытирать.

Домашние обязанности, когда выполняешь вместе, становятся гораздо приятней.

Я оделась, взяла очки с комода. Их мне отдала мама, я была в классе седьмом, когда мама их себе купила, мы тогда поехали на озеро, а теперь я бегаю в них на море. Я посчитала месяцы, по идеи роды назначат на декабрь, а там как раз мамино день рождение, надеюсь, она будет рада такому подарку.

Дорог к морю много, но больше всего нравится дорога вдоль маленького ручейка, который сбегает по бетонному руслу. Чем ближе к морю, тем дома меньше были похожи на дома, а превращались в коробки с кучей окон. Люди, которые приезжают в такие дома и ходят на Центральный пляж думают, что они любят море. Как они могут его любить, если они не видели прозрачную воду в декабре и не купались в волны в январе?

Бежать вниз легко, я добежала до санатория, в котором завтра скажут результаты. На маяк я поднималась пешком. На этот маяк меня отвел Вадим, в лето, когда мы познакомились.

Вадим пошел первым спускаться по крутому обсыпающемуся склону:

- Руку, - сказал он и протянул мне руку.

-Я сама, спускайся, не жди меня.

Спуститься вниз по крутому склону, когда ты в юбке и твои балетки расклеились от морской воды и солнца, не так просто, а еще, если в это время ты хочешь унести главный приз «За грацию». Внизу было море, но к нему надо еще дойти, по мелкой каменной крошке, кто-то предусмотрительно бросил канат до самого низа.

- Давай помогу? – Вадик оглянулся.

- Не надо, - я хваталась за невысокую траву, спаленную солнцем.

У самого подножья заканчивался раскрошенный камень, и начинались огромные пласты камней – по таким было легко идти. Вадим взял меня за руку, первый парень, который это сделал. Море выносило мусор, он был везде.

- Что-то не очень романтично, - я показала на порванный мячик, выброшенный морем.

- Никто не чистит дикие пляжи.

- Дело не в том что чистят или не чистят, - на плече у него висело полотенце, - а ты купаться будешь?

- Я думал, ты будешь.

- Ой нет, я не люблю среди водорослей плавать, и мне лучше, там где буйки расставлены.

- Ты просто никогда не купалась на диких пляжах.

Я кивнула, мы каждый год приезжали с родителями на море, но я была такой же отдыхающей как и все, мне нравилось заточенное море, я еще не видела его настоящим.

Мы прошли еще дальше, мусора меньше не становилось, Вадим постелил полотенце. Никого не было, даже чайки не носились и не орали. Ближе горизонта шел небольшой прогулочный корабль, который отходит от Центрального пляжа. Я посмотрела на Вадика, он едва наклонил голову и приблизился ко мне, я отвернулась - я не была готова к первому поцелую.

- Ты еще и спортсменка, - из машины вышел Гоша, друг Вадима, - неужели тебя Вадим отпускает одну бегать?

- Сама убегаю. Как дочка?

Месяц назад у него родился ребенок, это было неожиданно, мы не знали, что он станет папой, в октябре гуляли на свадьбе, а если конкретно – спали в машине. Свадьба была в летнем кафе, вечером стала совсем холодно, танцев не было, и Вадим предложил пойти в машину. Вадик включил печку, и мы уснули.

- Головку держит, Вадиму скажи, что нас уже пора догонять.

Я улыбнулась, и про себя подумала, что мы уже догоняем.

На тренажерах никого не было, я села на гребной тренажер, включила музыку и не стала заниматься. Кто знает, может быть, мне, в самом деле, нельзя напрягаться, и музыку слушать не хотелось, потому что любая музыка у меня будет ассоциироваться с этим временем, а я еще не подобрала подходящие для этих целей композиции. Я пошла по набережной, впереди меня шло две девушки.

- А ты хотела бы брата?

- Конечно, - та вздохнула, - чтобы бегал маленький такой по квартире. Я и сына бы хотела, не сейчас, позже. А ты?

- А у меня родители в разводе, но брат есть, больше не хочу. И детей не хочу.

- В разводе? – блондинка остановилась, - я не знала. Ты бы хотела, чтобы они были снова вместе?

- Хотела бы, но если это маме не надо, то и мне тоже. Главное с ней не ругаться.

У моих друзей у всех были полные семьи, и я никогда не думала, что чувствует ребенок, когда родители разводятся, только мам всегда говорила, что терпеть надо и не разводиться – это ранит детей, а тут оказывается что детям важнее, чтобы маме было хорошо. Брат у меня

есть, но я совершенно не помню, как он был маленький. Из всего его детства я помню, только, как меня оставили с ним одного, а он орал.

- Мам, Саша орет, - я пробовала качать, читать и петь песни, - что делать?

- Скоро мы уже придем, потерпи чуть-чуть.

Папа забрал телефон у мамы и резко сказал:

- Если бы ты хотела, ты бы его успокоила.

Потом оказалось, что у него болели уши, и мои песни были совершенно ни при чём.

По-настоящему ребенка я захотела, когда доучивалась в одиннадцатом классе у себя, а Вадик был у моря. В магазине я увидела маму, которая прижимала к себе дочку, совсем маленькую. Тоска тогда такая порезала, захотелось также прижать к себе нашего ребенка и никуда от себя его не отпускать.

А сегодня Вадик уйдет в ночь на дежурство, и я останусь одна. Обычно засыпаю в десять, но когда он дежурит, не ложусь до двенадцати, пока сон не разлучит нас. И самое главное – включить лампу, чтобы он знал, что его ждут.

- Ты не знаешь, сможешь ли сегодня поспать? – я поправила на нем галстук, - помнишь, нам завтра к 12 за результатами.

- Помню, конечно, - Вадик стал отсчитывать мелочь. - Воды хочу купить. Ты на учебу не едешь что ли?

- Не, - я потрясла карман, - пусто. Не поеду. Вечером напишу Кате, что я заболела.

Мы вышли в столовую, Маргарита Викторовна смотрела телевизор.

- Выпей ряженки, - она кивнула на холодильник, - я сегодня свежей купила.

- Спасибо, я потом.

Мне неловко пить ее ряженку или кефир или есть щи. Поэтому готовлю в основном я – каждый день, но по чуть-чуть. Маргарита Викторовна готовит по выходным, но очень много – котлеты из двух килограммов мяса, зеленый борщ в восьми-литровой кастрюле, оладьи из двух литров кефира.

Я сходила в комнату за грязным нижним бельем, рубашками и носовыми платками. Поставила стирать машину.

Когда я только приехала к Вадиму белье я не стирала. Свои трусики я стирала руками, развешивая у нас в комнате за столом, было неловко, что мое нижнее белье будет висеть в середине двора.

- Давай юбку, постираю, - Маргарита Викторовна заглянула в комнату, - я как раз белое стирать буду. Если хочешь, потом Марина покажет, как машину ставить.

Через несколько дней мы столкнулись с Мариной в коридоре.

- Пойдем покажу, -она отвела меня к святилищу, - так, здесь программу выбираешь, - она ткнула пальцем в панель, - а про это, - она показала обороты на машине, - забудь как страшный сон и не включай, особенно, когда стираешь рубашки.

Так я стала пользоваться стиральной машиной, но свои трусики я копила, и развешивала их не иначе как все сразу, Марина сказала: «Знаешь, есть букеты из конфет, плюшевых медведей, а у тебя из трусов».

Утром я проснулась от того, что Вадик лег под бочок – смена уже закончилась, он приехал и успел переодеться. Время начало девятого, спать уже не хотелось, но я спала сегодня одна, поэтому восполняла дефицит обниманий. Он моментально уснул, я подождала, пока он согреется, и тихо встала.

Марина уже ушла на работу, Маргарита Викторовна развешивала белье на улице.

- Вот ваше решила развесить,- она оглянулась, - ты вчера не развесила.

- Спасибо, - я стала ей помогать.

- Ноги болеть стали, знаешь, я ведь не смогу помогать вам с внуками.

- Мы пока не планировали.

Неужели потом она не будет рада, и к чему такие разговоры сейчас? Я и не особо хотела, чтобы моим ребенком занимался кто-то другой. Это ведь логично – рожать для того, чтобы малышом заниматься самой.

Я взяла веник.

- Возьми старый, – мне передали лысый веник, - твой плохо метет.

Наверное, дело не в венике, а в том кто его держит. Прибежал Мухтар, стал совать лапу Маргарите Викторовне.

- Да ты мой хороший, - она потрепала его за ухо.

Если бы у нас родилась собака, с ней бы нам точно помогали. Я не хотела думать, что мне будут советовать, как пеленать ребенка, как кормить, как стирать его вещи. Это пока будет не скоро, да и может быть, мы переедем куда-нибудь.

.Мы сидели на кухне, я читала – Ретт все никак не мог добиться внимания Скарлетт. А Маргарита Викторовна все никак не могла понять, кто же убийца.

- Сегодня не учишься? – спросила Маргарита Викторовна.

Началась реклама, самое время поговорить.

- Нет, сегодня подготовка началась, к параду, - я достала филе, - мальчики все пошли готовиться, а нам с Катей разрешили не приходить.

Отдаленная формулировка реальности, но не говорить же: «Я жду анализов, чтобы точно знать беременна или нет».

Маргарита Викторовна потрясла мешком с изюмом и черносливом:

- Не готовь, я сегодня сладкий плов буду делать, а что ты хотела сделать? –

- Куриные отбивные, - я убрала филе обратно в холодильник.

А потом будут говорить, что я не готовлю. Вадик спал, я села под дверь комнаты на диванчик. На покрывале была собачья шерсть любимицы семьи – таксы. Зачем сидеть, уже можно собираться и ехать за результатами, а не читать, когда знаешь, чем закончится экземпляр из фонда зарубежной классики . Я прокралась в комнату, мое тихое приземление на кровать, не осталось незамеченным.

Вадик повернулся ко мне, моргая глазами:

- Сколько времени?

- Половина одиннадцатого еще есть время поспать.

Он притянул меня к себе, и мы уснули.

- Без десяти двенадцать, - я вскочила с кровати так, что в глазах побежали мушки.

Под накрапывающим дождем мы прошли к машине.

- Вы куда? - Маргарита Викторовна выглянула из окна

Вадим уже стал шуршать шинами колес, она разобрал вопрос, приоткрыл окно и сказал так, чтобы заглушить урчание мотора: «По делам».

Я смотрела на точки дождя на лобовом стекле. Если идет дождь – это хороший знак, все получится. В дороге мы молчали, о чем говорить, когда через каких-нибудь полчаса определятся все твои дальнейшие действия.

В санатории снова было пусто.

- Заходите, - медсестра открыла дверь, - еще минут пять в кабинете подождите, сейчас уже будет готово.

В кабинете за дверью шумела лабораторная центрифуга, которая по моим понятиям разделяла кровь на составляющие, а может быть, они используют какой-нибудь маркер для определения содержания в крови этого гормона. Уроки химии в школе не прошли в пустую, хотя бы имею возможность фантазировать работу лаборатории.

Медсестра открыла крышку.

- Сейчас распечатаю результат.

- Вы так пока скажите, - ноги были мягкие, а в голове – вакуум.

- Твой уровень ХГЧ соответствует 5-6 неделям, - она села за стол, - у меня недавно женщина на двадцатой недели кровь пришла сдавать, сдала, а уровень был десятой недели – замершая беременность, - она вздохнула, - бедняжка.

Зачем такое рассказывать беременной? Я выскочила из кабинета.

- 5-6 недель, - я крепко прижалась к Вадиму.

- Это точно? Может быть, еще что-нибудь надо сдать?

- Точно. Пошли к морю, - я потянула его за руку, - надо в поликлинику вашу зайти, на учет встать.

Перед кабинетом никого не было, я заглянула. Моим гинекологом будет молодая женщина, я бы сказала девушка, она кивнула.

- Что у Вас?

- Тест на ХГЧ, 5-6 недель, - я улыбнулась.

- Поздравляю, - проходите, - я посмотрю и все оформим. Вы наверное еще учитесь, - она надавила на живот.

- Учусь. Скажите, а мне надо каких-то врачей проходить?

- Сейчас все расскажем. У меня много знакомых парней была с морского университета. Еще знакомые остались доучиваться.

Сколько же ей тогда? Медсестра заполнила карточку и выписала талоны к врачам, направления на анализы.

- Завтра в восемь, на тощак. Запишите мой телефон, - медсестра посмотрела на часы, - если что звоните.

Вадим повез по длинной дороге. Домой ехать не хотелось, у нас теперь есть секрет на двоих, о котором нам придется сказать, но пусть это время пока не наступает. Рядом с машиной-цистерной, на которой было написано «молоко» стояла очередь, и молодая женщина бойко наливала молоко и принимала деньги.

- Смотри, молочку продают, - он свернул, - тебе полезно молоко пить.

- Я не хочу молоко, - я поморщилась, - тем более домашнее

- Надо, - он взял деньги, - папу надо слушаться.

Каким он будет папой? Они со своим отцом общались очень мало – он был все время в разъездах, а потом ушел из семьи, и не навещал сына. Много где пишут, что мужчины переносят отношение своего отца, на своих детей. Очень хочется верить, что это не так, по крайней мере не у нас.

Калитку открыла Маргарита Викторовна. Я держала дверь машины, Вадик носил молоко домой.

- Шесть литров молока, зачем так много? Сейчас буду кипятить, - она обратилась к Вадиму, - нормально себя чувствуешь? У меня слабость какая-то.

- Иди, полежи, мы сами прокипятим.

Молоко в огромной кастрюле закипало, я стояла рядом и смотрела, как медленно появляются пузырьки на поверхности, а по краям уже начинает образовываться пенка. Невероятно уютное чувство, мы стали семьей.

- Я наверное схожу погуляю, зайду в магазин, горло першит, леденцы возьму. Ты не против, если еще пастель с альбомом куплю?

Я аккуратно сворачивала палантин. Странное сочетание цветов у палантина – болотный и темно-розовый, я его никогда не носила, но он теплый, его можно подложить под попу.

- Может быть не леденцы, а что-нибудь посерьёзней? – Вадик дал свою банковскую карту, - конечно не против, развлекайся.

- Нельзя что-то более серьезное, особенно на ранних сроках, - я чмокнула его щеку.

Уже цветут яблони, немыслимо. Я сошла с дороги и подошла к веточке. Смотреть и наслаждаться каждым моментом. Никогда не разглядывала цветы, но они удивительны – нежные прожилочки, пять лепестков, кремовые тычинки.

В небольшом киоске взяла леденцы с ментолом, сразу разгрызла две штуки. Остальные положила в пакет на палантин. Все смотрелась так мило, до полного натюрморта я докупила пастель и листы для рисования.

Аллея к морю была пуста, только через два месяца начнут приезжать первые отдыхающие. У моря в такое время года можно встретить местных школьников, заядлых рыболовов и редких пенсионеров.

После небольшого дождя солнце разогнало тучи окончательно, море по цвету сливалось с небом. Сегодня оно было не прозрачным. Я бы назвала его матовым, но меня не поймут.

На набережной играло радио - пел Ив Монтан, я постелила палантин и уселась рисовать корабль, который заходит в бухту города. Всегда завидовала тем, кто умеет рисовать. Есть то, что не скажешь словами и не запомнишь до мелочей, а художники пусть самые заурядные, оставляют для себя эти ключи к пониманию прошлого.

Надеюсь, наш ребенок будет не только красивым, я бы хотела, чтобы он был творцом. Все девять месяцев я буду избегать нервных ситуаций, ради него я стану спокойней. Но пока это сложно, я откинула пастель, у меня не получается нарисовать то, что я вижу.

Я посидела еще немного. Мое неумение рисовать, разбивало мое представление о самом лучшем досуге для беременных. Я заторопилась домой, резко захотелось, чтобы Вадим сделал мне чай, и «порисовал» ногтями на ноге или спине.

- Нарисовалась? – он встретил меня в прихожей, - у мамы температура.

- Плохо. Маргарите Викторовне что-нибудь принести попить? Маме позвоню только.

- Я молоко разогреваю с маслом. Ты пока не будешь говорить? У меня есть предложение, давай не будем никому говорить, пока три месяца не будет.

- Почему три? Ну говорят, что самое опасное время, и может всякое случиться.

Вадим отнес молоко и пошел купаться, а я набрала маму, сказать очень хотелось. Было правда немного страшно, но это наше решение, я хочу ребенка. Пусть только двадцать лет, но я для себя давно решила, что не хочу быть морщинистой мамашей, а хочу, чтобы в классе моему ребенку говорили: «У тебя мама такая молодая, а сколько ей?»

- Как лабораторная? – мама помнила, о чем я уже забыла.

- По ощущениям нормально, результаты еще не сказали, - одной рукой я забивала в поисковике «плод 6 недель», - а ты сдала?

- Дислалию сдала, - мама переучивалась на логопеда, - в четверг дизартрия.

На шестой неделе плод размером с перчинку, но это уже не две клеточки и не трехслойный зародыш.

- Вы перец едите? Папе с гастритом нельзя его, ты знала?

- Чего ты про гастрит вспомнила? Живот болит?

- Ничего не болит.

Снова неправда, но когда у меня что-то болело, перед мамой я чувствовала себя виноватой, и в детстве мне было страшно сказать, что у меня болит горло – держалась, не кашляла или кашляла тихо.

Ванну принимала теплую, прочитала, что горячую принимать вредно. Я такая большая, а во мне есть перчинка, самое важное и дорогое на сейчас во мне.

Сон пришел быстро, но спала я плохо. Снились зеленые треугольники, которые шагали на меня, красные круги наоборот убегали, а мне надо было их поставить в рамку. И так всю ночь, в середине ночи я

поняла, что у меня поднялась температура. Вадима будить не стало, надеюсь, что утром все пройдет.

5

- Ты бледная, - Вадик потрогал лоб, - градусник принесу.
- Не неси, - я постаралась улыбнуться, - так скажу, что есть.
- Надо знать сколько, - он быстро натягивал штаны, - и чай принесу.

Кисель сварить?

- Спасибо, я сейчас приду, - я оперлась о локти, - мне нормально.

Но мне было ненормально. Температура была выше 37, уже не ломало, если заболела Маргарита Викторовна – значит грипп. Я позвонила медсестре.

- Выпей полтаблетки аспирина. И обильное питье весь день. Будем надеяться, что все нормально. Анализы сдашь, как выздоровеешь.

Я думала, что буду весь день лежать, но когда лежишь, начинаешь болеть еще больше. Я встала и пошла к Маргарите Викторовне.

- Вам что-нибудь приготовить покушать?

- Спасибо,- она сделала звук на телевизоре тише, - ничего не хочу, когда болею.

Смотреть ничего не хотелось, для чтения и вышивки болел затылок. Вадим сидел за компьютером.

- Тебе надо больше пить, - он укрыл одеялом, - и проветривать комнату. И лежи, никуда не вставай. Совсем. Если надо в туалет, я дотащу тебя, не переломлюсь.

- Издеваешься? Тебе завтра на работу, тоже меня будешь носить?

Вадим похлопал глазами, мне стало его жалко, как он будет отцом, он ведь только на три года старше, но вопрос быть или не быть у него не

вставал. По крайней мере, вслух он его не озвучивал, а какие монологи были у него внутри, для меня всегда было тайной.

Позвонила мама.

- Ты заболела? Я так и знала. Пей и горло полощи, - Вадим может сходить за таблетками?

По мнению мамы, Вадим ничего не умел делать, только играть в компьютерные игры и рыбачить.

- Я лечусь, все выпила. Лежу и пью.

Ночью снилась опять ерунда, только теперь вместо геометрических фигур были цифры, которые мне надо было сложить в кувшин. Они удирали, ставили подножки, показывали языки. Это со школьных времен, я ненавижу математику, а она мне строит пакости, даже во сне.

6

Маргарита Викторовна напилась аспирина и ушла на работу, Вадик тоже. Я походила одна по кухне, слабость была небольшая, першило горло, но температуры не было.

Я вспомнила, что мне надо сдать анализы. Вадика лучше предупредить, а то обидится, как тогда с лужами.

Был октябрь, шел дождь, мы вышли в магазин через дорогу, мне просто очень захотелось макарон с сыром, а сыра не было. Дождь оставлял небольшие лужицы, несмотря на осень, дождь был теплый, а настроение отличным. Я начала прыгать по лужам в балетках.

- Ты что делаешь? – Вадик округлил глаза, и первый раз поднял голос, - перестань прыгать.

- Ну я же чуть-чуть, - и упрыгала дальше.

Потом он со мной весь вечер не разговаривал и отворачивался от меня – я его не слушаю и не думаю о том, что он обо мне заботится.

- Сейчас? Ты уверена, что уже окрепла? Может быть лучше дома побыть?

- Мне нормально, - я стала искать блузку, - чем больше лежу, тем больше боюсь.

Я сняла с брючных плечиков твидовые брюки, достала красный лаковый ремень и такие же туфли. Будущая мама должна быть красивой даже в очереди на сдачу анализов, среди шаркающих ног.

Очередь была длинной, я облокотилась на стену, она была покрыта лаком, поэтому я не боялась испачкаться. Можно было не ждать, что уступят место, да и сами скамейки были неудобными, если бы я села, то мои колени были бы выше бедра. Моя очередь подошла минут через пятнадцать, даже стоять не устала.

Медсестра привычным движением перетянула сгиб локтя.

- Отвернитесь, многих вид крови пугает, - она всадила иглу, - вены то какие неудобные, сжимайте кулак.

Из-за резкого запаха дезинфекционных растворов начало мутить.

- Говорила, не смотри, побледнела вся.

- Да, мне от запахов плохо, - я попыталась улыбнуться, - видимо беременность сказывается.

Я же не своим рассказываю, чужим можно.

- Куда торопитесь не понятно, - она сделала отметку в журнале, - нашатырь нужен?

- На свежий воздух пойду, - я встала и застегнула пуговицу на рукаве.

Не торопясь я дошла до дома. Слабость прошла окончательно. В туфлях было идти неудобно, они постоянно пытались соскользнуть с капронового носка, наверное, они разносились и стали мне большими, я сняла носки. В туфлях в марте, и без носка, да такого не было даже в самую теплую весну. А у мамы еще снег лежит. Даже птицы поют по-особенному, мы шли вместе с моей перчинкой.

- Вот это воробей, - я погладила несуществующий живот, - он все время здесь живет, а утки и лебеди прилетают только зимой. Подрастёшь, будем булкой их кормить.

Хорошо, что не было прохожих.

Дома я добросовестно поласкала горло и пила чай. Вадим приехал сразу после работы и отправил меня спать.

- Завтра в город поеду, мне в штаб надо.

- Можно я с тобой? Мне мячик надо купить для гимнастики.

Пока Вадим был на работе, я не теряла времени и посмотрела гимнастику для первого триместра, необходимые витамины на этом сроке, и рекомендации по режиму дня.

7

Дорога в другой город занимает десять минут, я бы не назвала это городом - нагромождение гостиничных домов это еще не город. Это полная противоположность моего любимого города – нет домов, которые построены в строгом стиле и хранят на себе важность времени. Все дома в этом городе построены недавно или строятся сейчас. Чтобы в него попасть, надо ехать вдоль виноградников, совсем не видя моря.

Вадим пошел в штаб, а я на рынок.

- Подходите, вы же у меня всегда покупаете, - ко мне обратилась бодрая женщина, продающая фрукты, - гранат хороший, - она подкинула его на руке,- будите пробовать?

- Деньги у парня, спасибо зайдем к вам потом.

У нее я никогда не покупала, я вообще в этом городе ничего не покупала. Здесь была невкусно развешана рыба, искусственно разложены фрукты, неряшливо разлит мед.

Я вышла с рынка, торцом к нему находился магазин с игрушками, но раньше я никогда в него не заходила – не было надобности.

- Можно посмотреть вон тот мячик, - корзина с мячами весела у входа.

- Пожалуйста, - скучающая продавщица протянула мячик.

Я сдавила мячик руками, в самый раз для выполнения гимнастики.

Я вышла, все дензнаки были у Вадима, хотелось уже дать старт мотовству. Он как раз вышел из штаба и махнул рукой.

- Давай я тебе магазин покажу, в котором я рыбок покупал для своего аквариума, - он показал на белый домик.

Вадим взял меня за руку и перевел через дорогу.

- Зачем, я бы и сама перешла, - было желание поворчать, - ведешь, как маленькую

- Ты и есть маленькая. Видел, как ты с автобуса вышла и пошла, по сторонам даже не посмотрела.

- Там машин не было, но я больше не буду, - и покрепче сжала его руку.

Над дверью звякнул колокольчик. Внутри было слишком темно, в углу стоял один аквариум, наполненный наполовину. Стенки были

грязными, и было непонятно, а плавают ли там вообще кто-нибудь.

Душный запах рыбного корма был повсюду, начало мутить.

- Ужасно,- я придержала дверь.

- Да уж, - Вадим пожал плечами, - здесь раньше все было по-другому. Продавались стеклянные сомики.

- Слоники? Я таких не знаю, у меня обычный сом долго жил, пока его бабушке не отвезли.

- А потом?

- Потом бабушка его откормила, и он умер от обжорства.

Мы вышли к танцующему фонтану. Летом детям весело бегать по его решеткам, но еще есть время до жарких дней, и рабочие занимались профилактикой.

- Давай еще вышивку купим,- я показала на подвальчик, - хочу, чтобы у меня была картина, связанная с этим периодом в нашей с тобой жизни.

Разноцветные наборы пестрели красками, я не знала, чего я хочу конкретно. В какой-то момент я поняла, что устала стоять и выбирать. Захотелось сесть в машину, потому что начала тянуть поясница.

- Смотри, а эти нравятся?

Вадим показал набор с двумя волками, я давно читала, что раньше супругам над кроватью вешали пару волков – для супружеской верности.

- Берем, - хотелось понять, - пойдём уже.

Мы сели в машину, я поскорей опустила на сиденье, в него хотелось вжаться, чтобы давление на поясницу было меньше. Появилась боль внизу живота, которую знает девяносто девять процентов женщин. Мне стало страшно.

- Что-то не так? – Вадим беспокойно посмотрел на меня.

- Все нормально, - я улыбнулась, зачем пугать.

Дорогой мы молчали, говорить мне не хотелось, а Вадим больше ничего не спрашивал. Виноградники уже окутались зеленой дымкой, они были готовы принимать солнце, для того чтобы потом через десять месяцев их дары оказались у кого-то в погребке.

Дома никого не было, первым делом я пошла в туалет, чтобы отогнать все страхи. Трусики цвета слоновой кости с тонкими золотыми цветами были абсолютно чистыми, я выдохнула. Вадим разогревал нам обед. Я подошла к нему сзади и прижалась щекой к его спине.

- Я сяду, - поясницу не отпускало, - доставай сайру.

- Какая сайра, мама позавчера суп сварила. Сначала горячее.

Стул был с мягкой спинкой, когда их привозили в дом, Маргарита Викторовна суетливо расставляла их, вокруг стала.

- Вадим, давай аккуратней, - она отобрала стул, - ты его так поцарапаешь. Не надо шоркать по полу. Принеси ножницы, надо разрезать, - она пыталась разорвать упаковку.

- На них хоть можно будет садиться? – он протянул ножницы.

- Можно, но надо аккуратней к вещам, - Маргарита Викторовна рукой пригладила клеенку, - берите доску, когда хлеб режете.

Даже когда Маргарита Викторовна была на работе, я ощущала ее взгляд – взгляд антиквара, который зачем-то пустил в лавку блаженного, да еще и дал ему грампластинки, которыми тот стал жонглировать.

Мне не сиделось. Встала, прошла по комнате, за окном бегал Мухтар и лаял на воробья. Как он на таких коротких лапах умудряется высматривать птиц, которые сидят в ветвях абрикоса?

Я снова зашла в туалет, сняла свои брюки и опустила глаза. На бежевых трусиках алело продолговатое пятно. Пробила мелкая дрожь.

- У меня кровь,- я вышла к Вадиму, руки тряслись. Что делать?

Вадим начал хлопать глазами, снова его стало жалко.

- Звони медсестре.

Время было больше трех, я не знала, до скольких работает кабинет, и ответят ли мне, если рабочий день уже закончился. Но мне ответили после двух гудков.

- У меня выделения.

- Обильные?

- Я не знаю с чем сравнить.

- Приезжайте, возьмите все документы.

Вадим быстро завел машину. По дороге мы молчали и не смотрели друг на друга. Врач уже ушел, медсестра одна заполняла документы.

- Ложитесь, - она подстелила пеленку, - снимите, я посмотрю.

Я зажмурилась, расстегнула брюки, ожидая приговора.

- Сегодня только лежать, - медсестра прошла за стол, - если усилится кровотечение, будут боли или кровотечение продолжится, сразу едите в больницу. С собой обязательно полис, вторую обувь.

Она говорила так, как будто уже все решено, и мне надо будет ехать. Дрожь не отпускала.

- Сейчас самое главное – взять себя в руки, - она протянула направление, - выпейте валерьянки, успокаивающего чая чуть-чуть.

Помните, что вы сейчас отвечаете не только за себя.

К горлу подкатил слезливый комок, а что если от меня ничего не зависит. Успокоиться и взять себя в руки.

Вадик ждал на улице, ходил возле машины. Я забралась к нему подмышку.

- Мне сказали быть спокойной, - я прижалась покрепче, - а ты сегодня в ночь. Может, не поедешь?

- Ты же знаешь, - он положил свой подбородок на голову, - что должен. Если будет все спокойно, я приеду.

Дома я сидела и начала вышивать левый уголок. Вадим принес пояс из собачей шерсти и укатал поясницу.

- Если что-нибудь будет нужно, попроси маму, я ей передам, чтобы приглядывала за тобой. Будет плохо – звони, сразу приеду.

Боль не уходила, но и сильней не становилась, в туалет я боялась ходить – вдруг пятно станет больше. Перед сном сходила, поменяла прокладку, а я так надеялась, что они мне не пригодятся ближайшие десять месяцев.

8

Утром я проснулась от той же известной боли. В руки снова вернулась дрожь. Время на моих часах показало восемь, скоро приедет Вадим после смены, если будет в силах – отвезет, если нет, доеду на автобусе или такси. Ждать скорую бесполезно, и к тому же скорая вызовет больше вопросов, чем просто отъезд с пакетом.

Я сложила в пакет вьетнамки, положила вышивку, она меня всегда успокаивает. Документы были собраны еще после радостной новости в папочку, ее вместе с направлением я положила в пакет. Что написано в этом направлении, я читать не хотела из-за суеверного страха.

- А ты куда так рано? – Маргарита Викторовна размеренно совершала утренний ритуал за чашкой кофе.

- Вчера кровь сдала после гриппа, а она свернулась, - я придумывала на ходу, о правдоподобности я не думала, - попросили подъехать, пересдать.

Подъехал Вадик, увидел меня с пакетом, и снова сел в машину.

- Больно? – он старался на ровных участках ехать быстрее.

- Немного, - я не смотрела на него, - крови больше стало.

Все мои представления о начале беременности рухнули. Опять эта дорога и виноградники. Где море, которое будет повышать уровень серотонина?

На территорию больницы мы заехали сверху, увидев больничное здание, я поняла, что останусь здесь одна.

Я остановилась перед окошком:

- Мне надо в приемное отделение, вот направление, - я достала бумажку.

- Женщина, бахилы наденьте и проходите направо по коридору.

Я достала из корзины чистые бахилы и протянула пару Вадиму.

- Беременность первая? – женщина в мелкую кудряшку заполняла анкету.

- Да.

- Количество половых партнеров?

- Один.

- Половая жизнь со сколько лет?

- С восемнадцати.

- Сейчас чего ревешь? – она подняла глаза вверх очков.

- Я прочитала, что у меня угроза прерывания беременности, - глаза вытереть я даже не пыталась.

- Успокойся, если хочешь сохранить беременность, - тебе надо думать не о себе сейчас.

Вадим стоял в стороне и держал куртку.

- Поднимайтесь на второй этаж, там смотровая - она отдала полис, - врач придет и дальше все скажет.

Мы пошли пешком на второй этаж. В конце коридора был туалет, большой и чистый, в нем даже стояли цветы в горшках. Я посмотрела на прокладку, это уже не было пятнышко.

Вадим сидел на больничной скамейке и смотрел прямо перед собой, свои слезы я не сдерживала.

- Ты помнишь, что тебе сказали, - он погладил меня по голове.

- Я не могу ждать, - я всхлипнула, - почему никто не идет?

Дверь в смотровую была открыта. В ней было очень светло, несмотря на пасмурное небо, к окну было развернуто кресло. Пришла молчаливая женщина, она кивнула головой в сторону кабинета.

Я прошла за дверь. Она постелила мне пеленку, смотрела мои бумаги, которые принесла с собой. Даже в плечах была мелкая дрожь. Я постаралась аккуратно свернуть одежду. Залазить на кресло всегда неудобно. Я закрыла глаза.

- Делала тест? - Одной рукой она давила на живот, другая рука была внутри.

- И ХГЧ сдавала, - я поморщилась от резкой боли.

- Будем делать чистку. Выскоблим матку. У тебя был выкидыш, чтобы ничего не осталось лишнего и не воспалилось потом - лучше сделать сейчас. Остатки в лабораторию отдадим, надо узнать причину. Будем делать под общим наркозом, - она сняла перчатки, - Одевайся.

Я села на кушетку, чтобы не качало. Кроссовки натянуть с первого раза не удалось.

- Вадик, у меня выкидыш, - в кабинет прошла медсестра, - будут остатки убирать. Где телефон?

Он пощупал карман куртки:

- Тебе достать его?

Я встала, попыталась вытереть слезы, но они не переставали идти откуда-то изнутри. Я набрала маму несколько раз, она не отвечала. Лучше сказать сейчас, мне не сказали, сколько времени займет выскабливание, и сколько я буду отходить от наркоза. Я позвонила папе.

-Пап, мама не берет.

- У нее экзамен, - папа не ждал моего звонка, но по голосу можно было понять, что он улыбается, надо чаще ему звонить.

- У меня выкидыш, - я снова заревела, жалея себя, и абсолютно не думая, что почувствовал в этот момент папа, - операцию сейчас делать будут.

Папа помолчал и после вздоха сказал:

- Чего сейчас реветь.

Я оглянулась, медсестра что-то говорила Вадиму.

- Купите прокладки. Халат есть, да? - Вадим заглянул в пакет, - после наркоза отойдет через два часа, может раньше.

Вадим стоял и кивал головой.

- Девушка, проходите, все приготовили, - медсестра обратилась к Вадиму, - подождите, сейчас вещи отдадим.

Ему я смогла только кивнуть. Я сняла джинсы и снова залезла на кресло. Чистку будет делать тот же врач, что и смотрела или другой? Пришло еще несколько врачей в одноразовых шапках и масках. Мне

перетянули вену, и ввели содержимое шприца, я перестала контролировать реальность - меня отключили.

Спина лежит на чем-то неудобном, чем-то из детства. Я перевернулась, снова тоже ощущение, переворачиваюсь на другой бок. Открываю глаза. Так же быстро вернулась сознание – просто открытием ресниц. Я вспомнила, что у меня выкидыш, и я потеряла будущего ребенка, за которого я несла ответственность.

Пришла медсестра.

- Всю простынь собрала, - она поправила край, который приоткрыл темно-розовый материал, - ну ты и волчок.

Оказывается я лежала на клеенке, вот что это было за ощущение. Палата была четырехместная, также была открыта дверь в коридор, как и в смотровой. Не было больничного покоя – входили разные женщины, брали свои мелкие вещи - туалетную бумагу, мыло, телефон из сумки и снова уходили.

- Сколько времени? – я сделала попытку поискать телефон.

- Время-то? Час, - она открыла тумбочку, - вот телефон, тут прокладки, меняй чаще. Крови много будет, не пугайся.

Всего лишь час дня, то есть после чистки прошло часа полтора. Я позвонила Владу.

- Я все, проснулась. Мне даже понравился наркоз, так постепенно, но быстро отключаешься от всего. Ты как?

- Домой поехал. Мне сказали, что к тебе все равно не пустят.

Подождал, когда тебя повезут в палату и поехал.

- Долго делали?

- Минут пятнадцать. Лариса позвонила.

- Что ты маме сказал? - я думала, что мне придется ей говорить.

Папа не рассказал?

- Нет, - Вадим помолчал, - я не мог просто сказать. Вообще, я распустил сопли.

- А мама? – мне было неприятно слушать, что он ревел, еще и когда говорил с мамой - ему чего реветь.

- Сказала, чтобы я успокоился. Я посплю, и приеду к вечернему посещению. Что-нибудь надо привезти?

- Ничего не надо. Так приезжай.

Странные здесь больные. Они даже не больные, просто обычные женщины. Я обратилась к девушке, которая что-то искала в черной дерматиновой сумке.

- Простите, пожалуйста. Вы тоже после чистки? – я проникновенно спросила, желая поучаствовать в случившемся, - тоже выкидыш?

Она усмехнулась.

- Слава богу, нет, – она быстро закрыла сумку и пошла к выходу, держа в руке кошелек.

Снова зашла медсестра.

- Давай переедем в другую палату, - она взяла пакет из тумбочки, - подушку возьми.

- А одеяло здесь оставить?

- Оставляй, сменим, - она прошла вперед, - здесь не далеко. Девочки - хорошие соседки. Сейчас все расскажу, что можно делать, что нельзя.

Она открыла дверь. Мы прошли в палату.

- Знакомьтесь, ваша новая соседка, - она поставила пакет. Обед на тебя еще не рассчитан, пойдешь на ужин. После него на укол. На животе

лежать можно, чтобы все лишнее выходило скорее. По коридору тихонько ходить начинай, чтобы не залеживаться.

- А гулять можно? – я села на кровать.

- Можешь завтра на улицу выйти. Старайся не лежать.

Две кровати пустовали, на одной из занятых, сидела беременная девушка моего возраста, рассматривающая свои ногти, на второй - девушка без живота, она полулежала и пролистывала журнал.

Находиться в молчании с незнакомыми людьми представлялось невыносимым, тем более мне здесь лежать как минимум до понедельника,

- Я Света, - я обратилась сначала к той, которая сидела ко мне лицом и была меньше занята.

- Я Ксюша. Ты с чем?

- У меня выкидыш, а у тебя?

- У нас, - она погладила живот, - тонус небольшой, но ничего страшного, магнезию покапают и все нормально. Еще неделю осталось.

- Я Аня, - девушка с веснушками отпустила ноги на пол, - у меня не проходимость труб, снова сделали операцию. Почему выкидыш?

- Гриппом заболела.

- Да, через месяц беременной снова будешь, - Ксюша потянулась к расческе, - вот увидишь. Скоро обед, - она мечтательно закрыла глаза, - можно уже собираться.

Просто сказать, что ты будешь беременной, если ты планируешь беременность, но что-то пошло не по плану. А вот если это получилось случайно, когда звезды сошлись, или что-то еще, и череда совпадений привела тебя к беременности – незапланированной, но горячо ожидаемой.

Девочки ушли на обед. Я более смело осмотрела пустую палату - еще одна кровать была кем-то заправлена, на тумбочке стояла туалетная бумага, но самой хозяйки не было. Одна кровать пустовала. Я достала сканворды из пакета. Глупое занятие, но когда хочется убить время именно такое занятие и подходит. С сожалением посмотрела на вышивку. Картина была большая и я надеялась, что успею довышивать к рождению, теперь же я не знала довышиваю ли я ее когда-нибудь.

Медленно опустила ноги на больничный пол, надо было встать, чтобы по стеночке добраться до туалета, что ж, это не самое сложно и не самое страшное. Все палаты были пустые – время обеда. Я шла и шаркала ногами, держась за стенку, хорошо, что никто не видел такого способа передвижения. Крови – как во время обычного физиологического процесса, не страшно. На обратном пути идти было гораздо легче, боль первых шагов прошла. Я снова вернулась в мир любительского спорта. Здесь в больничных просторах буду ходить больше, и после выписки снова начну бегать. И по утрам – зарядка на свежем воздухе, даже здесь. Я спустилась, пока на лифте, на первый этаж.

- Не подскажите, во сколько вы дверь утром открываете?

- Для посетителей в десять, - бабушка с легкими волосами ответила, не откладывая газеты и не поднимая глаз.

- А для больных раньше нельзя?

- Нет, для всех одно время. Вам зачем?

- Я хотела утром зарядку на улице сделать, - и поспешно добавила, - мне врач разрешил.

- Сделайте в палате, - она убрала газету, - идите к себе, здесь сквозняк, а вы в халатике.

Я развернулась, и пошла ковылять по лестнице, медленно отсчитывая ступеньки. Я старалась отталкиваться пяткой, так ведь полезней для ягодиц. Обогнала двух беременных.

- Давай, давай, - одна поддерживала другую, - ты же слышала, что врач нам сказала, если хотим родить быстрее, то должны расхаживаться.

- У меня уже сил нет.

Сил у нее нет, а как она рожать собирается. Ей осталось совсем чуть-чуть, и она будет держать в руках малыша. Ну что же, я теперь снова обычная. В середине каждой ступеньки было небольшое вытопанное углубление. Наверное, потому что на них идет двойная нагрузка.

- Сегодня плов на обед давали, - Ксюша дожёвывала яблоко, - ничего такой, я даже добавку попросила.

- Аппетит хороший.

- А потом изжога, - Ксюша сгрызла яблочный огрызок, - волос говорят, много будет, но это же хорошо – девочка.

Надо звонить маме. Я улыбнулась, взяла телефон, и пошла звонить. В коридоре никого не было, я могла снова пореветь, если это потребуется.

- Почему раньше радостную новость не сказала?

Голос был строгий, спасибо, мам, это то, что сейчас нужно.

- Потому что я не хотела никому говорить до двенадцати недель, - голос задрожал, я хотела отстоять свое право на переживания.

- Ну ладно, успокойся. Я бабушке скажу, а Саше говорить не буду, зачем его расстраивать.

- А бабушку можно что ли? Ей тоже не говори.

Мы помолчали. Я водила пальцем по стеклу, на нем оставался след. За окном были горы, люди приезжают сюда отдыхать и веселиться. А для меня это самое печальное место, по крайней мере, в этот момент.

- Сама себя как чувствуешь?

- Нормально, от наркоза быстро отошла, голова не болела.

- Тебе рассказали, как восстанавливаться? Какие лекарства надо будет пить?

- Уколы ставят, в понедельник врач будет смотреть, скажет про остальное.

- Обязательно спроси, какие витамины надо попить, что можно делать. Чтобы последствий в дальнейшем не было.

В коридоре было зябко, я встала на цыпочки и повернула по часовой стрелке ручку, окно неплотно закрылось. Из ближайшей палаты раздавались голоса – она была одноместная, но с телевизором и холодильником. Я пошла к девочкам.

- Да ну, мне было бы скучно, - Ксюша открывала печенье, - будите?

Мы с Аней отказались.

- Зря, вкусное печенье. Я не боюсь потолстеть за беременность, - рукой стряхнула крошки с черных леггинсов, - рожу, потом сброшу. Там как раз лето будет, - она улыбнулась и приложила руку к животу, - пинается, пяточка наверное.

- Можно потрогать? - я сама не предполагала, что сейчас может возникнуть такое желание

- Конечно, - она подняла футболку.

Я почувствовала какое-то движение. Трепета не было, я думала, что прикоснусь к чуду, а это было обычное движение. Волшебство, которое было раньше связано у меня с беременностью, прошло.

- А здесь кто? – я указала на кровать у самого окна.

- А здесь тетка взрослая, - Ксюша убирала печенье в тумбочку, - у нее угроза прерывания беременности на восьми неделях, ей сказали что

надо полежать, понаблюдать. А она домой уехала. У нее двое мальчиков в школе учатся, и девочка в садик ходит.

- У-у-у, подожди, - Аня усмехнулась, - она приедет все расскажет сама и в лицах.

Как можно уехать из больницы, из-под наблюдения врачей, зная, что они могут сохранить твоего ребенка? Как можно не хотеть сохранить ребенка, даже если у тебя уже есть дети? Это же все равно твой ребенок, ты хочешь отказаться еще от одной части себя? Для меня это несовместимо с реальностью. Почему мне не предложили полежать и понаблюдать? Почему я день провела дома, хотя могла быть под наблюдением врачей?

Нас пригласили ужинать. Надо было спуститься на второй этаж.

- У тебя своей кружки нет? – Аня шла впереди.

- Нет, я об этом не подумала.

До этого момента я ни в одной больнице не лежала, я не знала о том, что надо с собой брать, а что могут выдать.

- Ты попроси в столовой, тебе сегодня дадут, а завтра пусть лучше привезут, - она хмыкнула, - тут знаешь, как за посуду переживают? Как будто нам дома нужны граненые стаканы.

На ужин давали запеканку - вкусный кусочек творога, только маленький, а беременные таким не наедятся и пойдут докупать продукты в магазин внизу, или им привезут мужья или мамы.

После ужина надо было зайти поставить укол. Мы пошли вместе с Аней.

- Знаешь, как будет пока болеть после нескольких дней? – она потерла рукой уколотые места, - но эта медсестра хорошо делает, синяки маленькие.

Процедурная была на втором этаже, дверь в нее была открыта. У шкафа с уколами стояла миниатюрная девушка.

- Мне сказали после ужина подойти поставить укол.

- Фамилия?

- Акимова, - сестра в халате стала сверять списки в журнале.

- Нашла, готовьте правую ягодицу.

Она сделала механическое движение.

- Еще антибиотики,- она передала мне блистер с маленькими желтыми таблетками и улыбнулась, - все хорошо будет, не переживай ты так. Следующая.

Ане быстро поставили укол и мы пошли. Были приемные часы, но ее муж работал, а Вадим еще не звонил, наверное, спал. С Ксюшей сидел муж. Нам было неудобно им мешать, мы вышли в коридор.

- Обидно, когда девочка не пьет и не курит, а подпрыгнет повыше и у неё выкидыш.

- Не, я не прыгала. Когда узнала, уже прыгать перестала.

- Все равно. Тоня придёт, ты на неё посмотришь и поймёшь, почему я так говорю.

Ксюшин муж побыл недолго.

- Маме скажи, пусть не приезжает, - Ксюша помахала ему рукой, - ты же все привез.

Мне тоже захотелось, чтобы ко мне приехали. Я взяла телефон и пошла на свой переговорный пункт, где оконное стекло уже было грязным, от моих вождений пальцами.

- Голодная? Я завтра приеду, что-нибудь привезти?

- Ничего не надо, просто приедь, - мне захотелось к нему прижаться, чтобы он молчал, молча гладил волосы и думал о чем-то своем.

- Приеду, обязательно. Во сколько начинает пускать, не знаешь?

- В десять, а завтра выходной, поэтому вообще можно подольше побыть.

Говорить по телефону было не о чем, а поглаживания передавать еще не научились. Надо было возвращаться обратно. У него там было тепло, он был дома, все вокруг него было знакомое. А у меня не было ничего родного, хотя еще вчера в это время я была не одна.

Девочки занимались своими делами: Ксюша подпиливала ногти, Аня читала журнал. Я легла отгадывать незамысловатые сканворды.

Дверь открылась. Вошла женщина, на голове у нее как будто лежала гора медной проволоки, яркий халат застёгивался на молнию, в руке она держала полиэтиленовый пакет. Я думала, что ей лет сорок пять, кожа на лице свисала, была неровной и исполосанной морщинами.

- Новенькая, - она обратилась ко мне, - а ты с чем?

- Выкидыш, на 5-6 неделях.

- А у меня угроза прерывания, - она плюхнулась на кровать и скрестила ноги, - врач мне говорит: «Будем сохранять». А мне зачем? У меня и так трое, в тридцать-то лет, куда четвертого. Малая только в садик начала ходить, а я что снова с пузом буду? На танцы ее надо водить, знаешь, какая она молодчина у меня, такие канделябры выкручивает. Ох, ну и устала я сегодня, -она скинула сланцы, - что сегодня на ужин давали?

- Запеканку, - Ксюша перестала пилить ногти.

Я вернулась к сканвордам. Подставка для свечей, девять букв.

- Опять угольки наверное дали, - она снова обратилась ко мне, - Я тоже раньше сканворды отгадывала, - она закинула ноги на спинку кровати, - их получается отгадывать, если постоянно этим заниматься, а так в ответах сидишь и все.

Надо заканчивать с разгадыванием сканвордов, ни к чему хорошему это не приводит.

- Девахи, тут со мной такая история была...

Тоня снова обратилась к нам, а у меня даже наушников с собой нет.

-... представляете, я тут крем в кредит взяла, за шестьдесят тысяч, - она многозначительно замолчала, ожидая реакции.

- Ого, что это там за крем, - Ксюша стала вся во внимании.

- Ходят, предлагают, пришла одна такая мадама деловая на каблуках, - она стала взбивать волосы руками, - чемоданчик открыла, крема показала, фотографии до и после. Ну я и не удержалась, сказали что кредит без переплат, как рассрочка.

- Да у них все в стоимость заложено, что кредит, что рассрочка. - Аня решила подключиться к разговору, - нет особой разницы.

- Да понятно, что меня развели, - Тоня подложила руку под голову, - а тут еще эта беременность. Мы с Серегой гуляли, проходили мимо ларька, мне так захотелось пирожков с капустой. А он мне говорит: «Мать, а ты не беременна случайно?» Вместо пива пришлось купить тест, и точно. А потом шторы вешала, и живот как схватанет. Кровища... - Тоня улыбнулась, - пошла к себе на участок, меня положили. А дома Сереге одному сложно, вот и приходится бегать.

- Ань, может быть, сходим вниз, за шоколадкой?

Хорошо, что Тони весь день не было, я бы разорилась на походах в магазин.

- Не, я полежу, - она достала ноутбук, - фильм посмотрю.

- Какой фильм? – Тоня приподнялась на локтях.

Я стала собираться, Ксюше предлагать было бесполезно – она разговаривала по телефону с мужем, о том, как он ехал домой, приехал и чем теперь занимается.

- «Перевозчик».

- Не смотрела, я по сериалам больше отрываюсь, - как мама троих детей может находить время для сериалов мне не понятно, - я тоже пойду до холодильника схожу, а то тут отбой в девять.

Довольно тяжело проводить время с болтливыми людьми, особенно когда ты хочешь посидеть в тишине, не думая ни о чем. Или просто посидеть и пожалеть себя, сравнить себя с другими.

Я пошла пешком, на лестнице опять ходили вверх-вниз беременные, теперь понятно, почему ступеньки истоптали. Вместо одной темной шоколадки, я купила банку морской капусты и морской коктейль. Что делать, если не только беременных тянет на солёные продукты.

В коридоре сидела Ксюша.

- Пойдем, посмотрим телевизор, - она кивнула на дверь, - Тоня пришла.

Лучше посидеть в обществе беременных, чем снова слушать Тонины соображения по поводу беременности. Мы пошли в холл, кресла были заняты беременными.

- Садись, - я отодвинула ей стул от стола.

За окном было уже темно, незнакомые женщины, оказавшись в одном положении, очень быстро находят много общих тем для разговоров. Они ни на что не отвлекались, смотрели друг на друга и без остановки говорили.

- Ты смотришь «Битвы экстрасенсов»? – она оперлась на локоть, - я вот очень люблю.

- Не, не смотрю.

Показывали какой-то трехэтажный дом, и как в этом доме несколько лет назад погиб ребенок. Кто и что должен был сделать, для меня осталось не понятным, и смотреть депрессивные передачи я не хотела.

- Я наверное пойду, салат поем. Ты не будешь?

Ксюша была поглощена расследованием, и даже не заметила ухода

Я позвонила Вадиму, и тоже попыталась поговорить, о том, что он сейчас делать и рассказать, что было у меня. Из этой затеи ничего не вышло. Я здесь среди больничных тусклых ламп и пустых голых стен, которые наводят на мысль, что все это когда-то уже было, только я не помню. А Вадик сидит дома на своем потертом стуле, светит моя зеленая лампа, на кровати спит Маруся.

Еще час до отбоя, я собралась в душ. Это целое событие в больнице, я хотела растянуть поход на час, но уложилась в пятнадцать минут.

- Тебе фен дать? – Аня сняла один наушник, - сейчас придут температуру мерить.

Подошла Ксюша с Тоней.

- Ну весь холодильник заставлен, - Тоня поставила пакет, - завтра ведь ходить будут, опять всё повыкидывают.

- Врачам же не надо, чтобы мы отравились, - Ксюша легла на кровать, - правильно, что за свежестью продуктов следят.

Пришла медсестра, раздала ртутные градусники. Я зажала градусник, первые пять секунд был неприятный холодок, стекло согрелась. Температура выше нормы, а ведь до этого я твердо решила, что теперь мое здоровье будет идеальным.

- Акимова? Это нормально, - сестра записала показания в тетрадку с пожелтевшими листами, - ты же сегодня после операции.

Мне хотелось закончить свой первый больничный день. Свет от одной лампы в шарообразном плафоне не мешал, я отвернулась к стенке и укрылась с головой, оставив только нос за одеялом.

9

Утром я проснулась первая. Сторона у нас была восточная, самая солнечная, для тех, кто встает рано. Жаль, что больничный день начался так рано. Шторы были опущены, но по бокам и под ними пробивался свет. Все спали. Аня спала, подтянув к себе колени, Ксюша спиной облокачивалась во сне о стену, Тоня раскидала руки, как хозяин жизни, спокойно похрапывая.

Я тихо встала, дверь не закрывалась на замок, я пошла в душ. В коридоре никого не было, нигде даже дверь не хлопала, не раздавалось ни одного голоса. Воскресенье в больнице не самое веселое время. Когда есть врачи, она оживает, становясь деятельной. А сейчас это был дом, где время замерло.

День предстоял быть длинным. Все движения, а тем более дела нужно делать медленно, я тщательно прочистила каждый зуб на своем языке, умылась на два раза, чтобы не оставить шанса больничной пыли. Позвонила маме.

- Температура была?

- Нет.

Может быть, самое время спросить о моих переживаниях? Но нет, мам продолжала медицинский опрос:

- Уколы ставили? Какие антибиотики дают?

- Обезболивающие уколы.

- А что, что-то болит?

Маму интересуют в первую очередь физиологические показатели, это к лучшему.

Больничные коридоры со скамейками, гораздо короче, чем я представляла себе их. Если идти до конца коридора – полупрозрачная дверь, отделяющая гинекологическое отделение и роддом. Два мира, в который можно зайти при желании, или посмотреть.

Я немного посидела в коридоре, ногам было холодно. Вышла не расчесанная женщина, я подумала, что это отличная идея для занятий в больнице – заплетение косичек.

В палате все проснулись, кроме Тони, но вели себя тихо.

На завтрак дали кашу, кусок масла и сыр. Я отодвинула тарелку.

- Ты не будешь? – Ксюша доедала свою порцию, - можно я тогда съем? И сыр тоже не будешь?

Я покачала головой. Аппетита на кашу не было, если бы предложили что-нибудь более ароматное, тогда я бы согласилась.

- Я возмущена, - Аня пила только чай, - я раньше читала, что кормят в нашей больнице плохо, но не так же, - она отодвинула от себя тарелку, - придем, в группу города напишу, пусть проверки делают.

Я уселась заплетать себе рыбий хвост, но у меня не получалось – волосы, которые я вчера помыла, выскальзывали из моих рук.

- Ты можешь привезти мне щипчики для бровей? - Ксюша позвонила мужу, - а то ты приедешь, а я не красивая. А я должна быть красивой. Они в ванне в подставке стоят.

С боем закончила заплетать косу, но она распадется через час, может меньше, и тогда надо будет переплетать заново.

Позвонил Влад, он приехал. Я накинула курточку, надела кроссовки, которые были еще в бахилах со вчерашнего дня.

Здание больницы было четырехэтажным, выкрашено в светло-желтый цвет, кто бы знал, что внутри оно такое серое. Снаружи была вымощенная плитками небольшая площадка и стояла замурованная сосна. Влад ждал меня под сосной на скамейке.

- Как ты? - он обнял меня, спрятав в свою куртку, - я очень по тебе скучал, вчера поздно спать лег, не мог без тебя уснуть.

- Нормально, - я хлюпнула носом, - домой хочу.

- Надо понаблюдаться, Маруся тебе привет передает.

- Мне так одиноко, - я сказала то, что я чувствовала.

- Почему? Я всегда готов тебе ответить, тебя мама поддерживает.

- Пойдем походим?

Мы пошли вокруг корпуса, обычно я не тяготилась с ним молчанием, но не в этот раз – не о погоде же нам беседовать. С обратной стороны больницы была небольшая аллея со скамейками, мы сели.

- Надо дождаться анализов, - он подкинул на руке косичку, - вдруг это вообще не то было.

- В смысле не то? – я с сомнением посмотрела на Влада, - а что тогда?

- УЗИ мы не сделали ведь.

- ХГЧ так то, только при беременности вырабатывается. Но еще при некоторых видах рака, но это вряд ли.

- Не злись, - Влад погладил меня по голове, - я же переживаю за тебя.

Тут хоть злись, хоть не злись, если тебя перестал понимать человек, и чувствуешь что ты осталась одна со своими переживаниями.

С этой стороны был вход, с которого растерянные папы забирали новорожденных, и вымотанных, но улыбающихся мам.

- Пойдем отсюда? – на крыльцо вышла семья с воздушными шариками и объемным свертком.

- Чем ты там занимаешься?

- Чем можно в больнице заниматься? Ты привез кружку?

- Я забыл, - Влад хлопнул рукой по голове, - давай послезавтра привезу?

- Не надо, - я обогнала его и развернулась к нему, - ты завтра не приедешь?

- У меня же смена. Но я буду отвечать тебе, ты только звони.

Отвечать Влад мне будет, а что делать, если я не умею общаться по телефону? Я могу задать важный бытовой вопрос на данный момент, но вот так чтобы болтать по телефону у меня не получалось никогда.

Теперь я понимаю, почему больные не любят своих посетителей. Близкие пытаются помочь, но выходит все так сучковато, что лучше этого не делать. И если говорить близкий человек, что ко мне можно не приезжать в больницу, к нему действительно можно не приезжать. Редкий больной знает чего, он хочет на самом деле, я хотела оказаться дома, и чтобы меня не трогали. Хотелось стать улиткой или черепахой.

- Не раздевайся, - Аня одевалась на улицу, - сходим, погуляем?

- Я с вами, - Ксюша медленно встала за курткой, - там вроде солнце, я не замерзну без шапки?

- Какая шапка, там уже нарциссы зацвели, а Тоня ушла уже?

- Теперь до вечера не появится, - Аня застегивала пуговицы на красном пальто.

Если бы мы вышли вдвоем с Аней, мы бы сделали не один круг, а несколько.

- У Юры хоть заказы стали появляться

последнее время, я переживала, конечно, - Ксюша говорила с отдышкой, ей было тяжело идти, - но я же не могу идти работать, учеба еще.

- Без денег сложно, - Аня перешагнула через бортик, - у меня родственники в поселке живут на пять тысяч рублей с ребенком. Я к ним приехала, продуктов привезла. Темочка так бананам радовался.

- Зачем рожать, - Ксюша пожала плечами, - если не можете прокормить ребенка.

- Они его любят. И такая ситуация не навсегда. Катя из декрета выйдет, на работу пойдет. Или в город переедут, работы явно больше. Ситуация когда рожают, но не любят ребенка, хуже.

- Мне это тоже не понятно, - Ксюша остановилась, - у мамы есть подружка, которая родила ребенка и он сам по себе растет, книжки ему не читает, еду не готовит – из баночек все дает. Я так не хочу, я хочу заниматься своей девочкой.

У Ксюши не было возможности нагнуться к животу, поэтому она просто обняла его руками.

- Тебе маме не было страшно говорить, что ты беременна? – в тени стоять было холодно, я пританцовывала.

- Почему должно быть страшно? Я замужем, и мама меня тоже в восемнадцать родила, - она повернула в сторону главного входа, - пойдёмте обратно, холодно.

Незаметно подошло время обеда. Весь больничный выходной день опирается на трех китов – завтрак, обед и ужин. Если пройдет завтрак и обед, можно считать что прошел день. После обеда мы снова пошли гулять с Аней.

- Я узнала о не проходимости в двадцать два, когда после года попыток у нас ничего с мужем не получилось, - мы шли бодрым шагом, -

было куча обследований, и потом выяснилось, что у меня не проходимость. Первые несколько операций делали бесплатно.

- А потом?

- Потом мы стали платить деньги. Представляешь, на одной такой операции проснулась раньше – анестезиолог не правильно дозу подрасчитал. Говорят, что операции могут и не помочь, но так хоть какой-то шанс.

- А ЭКО?

- Очень дорого, а по федеральной программе я не подхожу по возрасту – маленькая еще.

- Пока с мужем занимаемся любимыми делами – он машинами, я фотографией, студию снимать с апреля буду.

Планы, даже когда все идет не так, как ты задумываешь, могут осуществляться.

Бьющее в глаза солнце, Аня ушла, я пошла гулять дальше, с асфальтированной дороги свернула на утоптанную тропинку. Цвели какие-то маленькие синие цветы с белой сердцевинкой, я хотела нагнуться, чтобы рассмотреть их лучше, но вспомнила, что мне это теперь ни к чему. Я шархнула от них в сторону, как будто для меня это стало откровением.

Больничным городком большой, многим больным не разрешают гулять, поэтому я не стеснялась своих слез, если бы они у меня были.

- Только подрасчет, у меня сдачи нет, - провизор открыла кассу.

- Дайте гематоген, с ежиками пожалуйста, - я отсчитала мелочь.

От твердой плитки я отломала сначала две дольки, было слишком приторно, потом доела все остальное. Пошла в другую аптеку за солеными эссенуками. На кассе рядом лежали батончики-мюсли. Я взяла их и

уточила на скамейке, сразу перед аптекой. Если я буду продолжать заходить в каждую аптеку, то очень скоро у меня снова станут большими ноги, и появится жировой валик спереди.

Еще немного пошаталась по городку. Везде было по больничному чисто, дошла до забора, за которым ехали машины. Захотелось также уйти к семье, как Тоня. Дню пора заканчиваться, а он все тянется. Главное, что не понятно, что будет дальше после выхода. Как мы будем общаться с Вадимом, как мне ходить на учебу, как планировать свою жизнь, зная, что в ней может случаться разное.

Вечер, ужин. Снова укол, только на этот раз больней, чем вчера. Мне хотелось с кем-нибудь поговорить, но Аня смотрела фильмы, а Ксюша мазала живот увлажняющими кремами. На третьем этаже было пусто, я спустилась на второй, где сидела дежурная медсестра. И просто села рядом, подперев щеку.

- Что доченька? – она скорее годилась мне в бабушки, мне хотелось женского участия.

- Вы давно здесь работаете?

- Давно, - она закрыла книгу в мягкой обложке.

- Наверное, всяких трагедий повидали? Одни могут, но не хотят...

-... а другие хотят, но не могут, - она продолжила за меня.

- У меня выкидыш был, поэтому здесь, - я не хотела, чтобы она думала, что я здесь, потому что сделала аборт.

- Недавно здесь женщина лежала. Отдыхать сюда приехала. У нее двойня была, одного она дома потеряла. Сама на восьмом месяце, уговорила мужа на море приехать. И потеряла здесь второго.

- Бедная, - я убрала руки от лица.

- А кто твой врач?

- Не знаю, такая молчаливая женщина с короткой стрижкой.

- А у Ирины Григорьевны. Очень хороший врач, раз ты у нее все нормально будет, - она сняла очки, - у нее моя невестка наблюдалась – угроза прерывания была. Я ей даже развешивать не давала белье, руки чтобы высоко не поднимала. В магазин не ходила - только я и сын.

- А сейчас?

- Сейчас уже бегают, - она улыбнулась, видимо вспоминая шалости ребенка, - три года Мишеньке будет в мае.

Я задумалась о том, что я тоже невестка. А мне разрешали бы развешивать белье и всячески бы берегли?

Это было еще прошлой осенью, когда Маргарита Викторовна забежала домой и говорит:

- С Оксаной случилось самое страшное, что может случиться с женщиной.

Оксана – ее приятельница, которая приходит к ней в отдел, она работала в соседнем.

- Что? – в самом деле, что же может ужасного случиться именно с женщиной.

- Она беременна, - Маргарита Викторовна прямо в пальто села на диван, - она с мужчиной женатым встречалась, и залетела. Он ей говорит, делай, как хочешь. А она сказала, что будет рожать. Самое главное, что ребенок у нее уже есть – девочка, в третий класс ходит. Зачем ей еще один, еще и не от мужа.

Тогда я не знала что ответить, а сейчас я подумала, что может быть она так сделала потому что почувствовала ответственность за того

ребенка, который еще не родился. Если бы она категорично не хотела больше детей, то она приняла бы меры, чтобы это предотвратить. Значит, знала, что не сможет прервать начавшуюся жизнь? Жизнь ведь начинается не в родовом зале, как весна начинается не с проклёвывания первых листочков.

- Подскажите, а завтра меня выпишут? – я снова обратилась к дежурной.

- Когда сделали?

Я задумалась, подсчитывая такие одинаковые дни.

- В пятницу, утром.

- Завтра УЗИ наверное назначат, а на следующей день домой, если все нормально.

Еще два больничных вечера. Болеть когда ты не дома или рядом нет кого-то из близких людей, всегда тоскливо. Еще в детстве, когда папа улетал в командировку, а у меня крутило живот, я плакала, потому что я просто хотела, чтобы он был в соседней комнате рядом. Так и сейчас, я просто хотела, чтобы рядом был Вадим, сидел за столом и играл, а я читала на кровати. Может быть, это помогло избавиться от чувства сломанной ветки, но у меня не было даже возможности провести эксперимент.

10

- Девочки, обход до одиннадцати, - утром заглянула новая медсестра, - пожалуйста, будьте после душа с чистыми прокладками. Акимова, кто? – она быстро пробежала взглядом, я кивнула, - на УЗИ подходите на четвертый этаж в девять, - она погрозила пальцем, - пеленку не забудь.

- А есть те, кто не моется? - я складывала одеяло.

- У меня дома не всегда есть время, - Тоня попыталась пробиться расчёской сквозь свои волосы, - но здесь конечно. Вот бы мне сказали, что сегодня выписывают. Вадим написал, что он уже на работе. На завтрак было яйцо, я отдала его Ксюше. От УЗИ, осмотра я ничего не ждала, торопиться было не куда. Даже если сегодня выписывают, Вадим не заберет, а ехать на общественном транспорте с пакетом я не хочу.

Я вяло собралась, и не торопясь вышла на четвертый этаж.

- Они мне говорят, - в застиранном халате стояла беременная на последнем месяце у кабинета, - рожай. А я не помню, это же десять лет назад было.

Перед кабинетом толпились тараторящие беременные, я села подальше от них, они меня пугали своей оживленностью, взрослостью и в принципе другой жизнью. В кабинет меня не вызывали, вперед беременных я не лезла. Они закончились все, я приоткрыла дверь.

- Добрый день. Я Акимова, можно?

Высокий мужчина развернулся в пол-оборота от монитора.

- Я Вас не приглашал, должна позвать медсестра, - такое ощущение, что это говорил робот.

Я пожала плечами и спустилась вниз за антибиотиками.

- Почему Вы пропускаете ко мне всех подряд?- этот металлический голос уже был внизу и отчитывал медсестру, - я ее не звал, а она открывает дверь и отвлекает меня, из-за Вас.

До этого я было совершенно спокойна, но какая-то ярость ухватила за меня, мне было жаль медсестру, которая ничего особенного не сделала, я толкнула дверь.

- Ваш кабинет работает с девяти, я подошла после всех, – я смотрела на него и не понимала из-за чего весь шум. - При чем здесь медсестра?

Он вышел, хлопнув дверью, девушка была растеряна. Я улыбнулась.

- Извините, я не знаю Ваших порядков.

- Идите в палату, я позову.

В палате я рассказала девочкам про очень агрессивного врача узи.

- Это такой высокий, - Ксюша выкинула кожуру от банана, - я его знаю, мне про него рассказывали. Он и на беременных орет. Если пеленку забудешь, он такой крик поднимает.

- Акимова, проходите, - вы купили презерватив для датчика?

- Ой, - я думала, что нанесут холодный гель и поведут по животу.

- Возьми, - медсестра вложила его в руку, - а то опять шум на все отделение поднимет.

Я снова пошла на четвертый этаж.

- С чем вы здесь? – он резко ввел датчик.

- Выкидыш.

- Я ничего не вижу, - он смотрел на монитор.

- Конечно, вы ничего не видите, - я поморщилась, - сделали выскабливание.

- В следующий раз надо готовиться Вам и вашему молодому человеку, - он вытащил прибор, - чтобы не было случайностей. Сейчас все нормально, идите.

В палате Тоня подпрыгивала - она ходила в смотровую, и врач ей сказал, что беременность, несмотря на предосторожности, сохранить не удалось.

- Я так и знала, что не получится, - сегодня что-то сделают, полежу, и меня домой отправят.

Меня вызвали в смотровую. Ирина Григорьевна пощупала живот и осмотрела.

- Температура поднималась, уколы ставишь. Антибиотики пьешь, - она листала историю болезни, - на узи все в норме. Домой поедешь?

Я кивнула.

- Простите, а что можно делать?

- В выписке будет все написано.

- Спортom можно заниматься? – я стала слазить с кресла.

Ужасное чувство незащищённости, когда ты идешь с гинекологического кресла до стула, где оставлена одежда, даже если это всего два шага.

- Первые две недели лучше исключить все нагрузки. Тоже самое касается и половой жизни.

- За выпиской завтра после двух подойди в четырнадцатый кабинет, - я кивнула и прикрыла дверь.

Я зашла в палату, Тони не было, она готовилась к операции.

- Вадим, меня выписали, - я положила вторую обувь в пакет, - на автобусе доеду, деньги есть.

- Не говори глупостей, я тебя заберу. На полчаса отъеду, Андрюха прикроет если что.

В тумбочке ничего не было, но я на всякий случай перепроверила - не хотела ничего случайно оставить. Ксюша прочитала мои мысли.

- Одна девушка, когда рожала, кружку забыла. Через два года вернулась со вторым, - она убирала кутикулу апельсиновой палочкой, - и что думаешь? В ту же самую палату, на тот же самый матрас.

Я посмотрела на девочек, ничего общего, понятно, что с ними мы больше не встретимся, но все-таки они были рядом со мной в такой непростой момент.

- Тебе легко доходить два месяца, спокойно родить, - я повернулась к Ксюше, - завтра за выпиской заеду, навещу тебя.

- А тебе, - я обернулась к Ане, - желаю решить временные проблемы, и тоже, чтобы все получилось.

- Пойдем, я тебя провожу, - Аня накинула пальто.

Мы постояли на улице. В последние минуты перед тем, как разойтись, близким людям не всегда есть, о чем говорить, а случайным соседкам – тем более.

- Иди обратно, сегодня ветер, - я поправила ей воротник на пальто.

Ветер сегодня был резкий и сильный, он шумел в горах, раскачивал урны и разворачивал собачонок, даже сосна у входа в больницу не осталась в стороне и тоже наклонялась во время порывов. Из больницы вышел врач, который делал УЗИ и прошел к своей машине на парковке. Это была белая ока, понятно, тогда почему он такой злой – просто его машина не соответствует его характеру.

Подъехал Вадим, я подошла к машине.

- Давай пакет, там подарочек.

Я открыла дверь, на сиденье лежала коробка рафаэлок.

- Мне все-таки хочется думать, что они поднимут тебе настроение, и вот еще, - он нажал на проигрыватель, - Look, look in the candle light...

Мы поехали вверх. Снова моя любимая песня, только подпевать ей мне не хотелось, как и верить в то, что во мне что-то исчезло.

Маргарита Викторовна была на работе. Тоша не вылез встречать из своей будки, такса видимо была у Марины в доме, Мухтар совал лапку.

- Можно я поеду с тобой? – я не могла остаться совершенно одной.

- В машине будешь сидеть до вечера?

- Посижу, вдруг ты сможешь побыть со мной, - я положила голову ему на колени, в ребро уперся рычаг коробки передач, - просто рядом побыть хочу.

- Если хочешь – поехали, - он потрогал сережку в ухе,- но мне кажется, лучше побыть дома. Принять ванну, пообедать домашней едой, мама скоро уже придет.

Я вылезла из машины. В доме стояла тишина, также бегал Мухтар за воробьями на своих коротких лапах, а Тоша гремел цепочкой, когда мотал головой.

В доме было тихо. Я позвонила маме:

- Я дома, выписку завтра заберу, - я не знала, что еще сказать.

- Ты спросила про восстановление?

- Сказали, все будет написано в выписке.

Я погладила зеленый плед, которым была застелена кровать. С недавних пор мы стали так делать, потому что в нашей кровати мы стали находить куски грязи.

- Света, ты не знаешь, откуда это? - Вадим рукой стряхивал на пол песок, какие-то листья, комочки грязи.

Я посмотрела на свои пятки, сказала, что не знаю, и стала помогать.

Потом Вадим как-то приехал на обед, зашел в нашу комнату, а в кровати, среди покинутых одеял лежала такса. Пес уже плохо слышал, и не вскочил при его появлении, Вадим его выгнал. Когда Марина узнала, что старый пес спит в кровати, вердикт был такой – сами виноваты, кровать надо всегда заправлять, а псов, не трогать, раз они уже там

устроились.

Маргарита Викторовна

откуда-то принесла тяжелый плед на всю кровать.

Так мы приучились к ежедневной заправке кровати.

Все стоит также на своих местах, но теперь разбросанные носки я не стала поднимать, а просто задвинула их ногой под кресло.

Вода лилась в ванне, я смотрела на баночки шампунями – все точно также.

Это был наш первый вечер, когда мы не говорили, а просто целовались без остановок на берегу моря.

- Вкусно пахнешь, - Вадим понюхал волосы.

- Спасибо.

Необычный комплимент, но в принципе я не особо разбираюсь в том, что говорят в такие моменты. Зимой, когда я к нему приехала, я привезла этот шампунь с собой, и утром мыла голову, только чтобы запах был сильней. А когда я приехал окончательно, то оказалось, что этот шампунь сняли с производства. Я оббежала все магазины, нигде его больше не было. Удалось купить одну баночку спрея для волос из этой серии. Брызгала постоянно волосы перед тем, как он придет со смены, чтобы они пахли его любимым ароматом.

Теперь, мне было не важно – пахнут больницей, ничем не пахнут или пахнут новым шампунем. Я взяла баночку, по-моему, даже не свою.

В комнату из ванны надо было идти через узкую кухню. Весь дом был вот такой – узкий, как вагоны электрички. Что бы попасть в комнату,

надо было пройти через первую комнату. В каждой стоял диван, но жить в них было сложно - никакой личной жизни.

Сразу как мы стали вместе жить он спросил:

- Ты приготовишь мне шарлотку? – Вадим обнял меня за талию, - с такими зелеными кислыми яблоками, знаешь?

- Из какого теста?

- Обычного теста, я название не знаю.

Мама готовила яблочные пироги из сдобного теста, очень редко из слоеного. Другие варианты теста не пришли мне в голову. В поселке свежего сдобного теста не оказалось, кулинарий не было. Я никогда не готовила сдобное тесто сама, это казалось мне вершиной кулинарного искусства. Поэтому я быстро чмокнула и сказала:

- Я быстро в город съезжу.

Стояла жара, отдыхающие набились в автобус, пришлось стоять. До самого города ехать недолго – двадцать минут, основное время занимает дорога по городу, минут сорок, без пробок. Я вышла на автовокзале. С него открывался вид на город и кусочек моря. Я спустилась к гипермаркету, нашла отдел с готовой продукцией, взяло тесто, и поехала обратно.

- Что это тут у нас? - он зашел на кухню.

Я достала пирог из духовки.

- Доставай кружки, сейчас будем пробовать.

Вадим сел и стал жевать, делая вид, что ему очень вкусно. Тесто было каменное, корочка запеклась, но сдобная щебенка царапала язык. Зашла Маргарита Викторовна.

- Сыночек, половину всегда надо отдавать сестре, да кусок получше выбирать.

Обращение было явно адресовано ко мне, я прошла на кухню и отрезала более румяный кусок. Вадим его отнес. Я была уверена, что Марина скажет спасибо за угощение, хотя бы такое.

- Шарлотку готовят по-другому, - Марина пришла с пустой тарелкой, - берешь три яйца, стакан муки, пол стакана сахара. Мешаешь до жидкой сметаны. Кожуру с яблок лучше срезать. Да и яйца взбивать лучше с холодильника, десять минут.

Потом я постоянно искала новые блюда, и новые способы приготовления – хотела удивить Вадика, Марину и Маргариту Викторовну. Ну и еще сделать так, чтобы у меня не было конкурентов. Мне нравилось искать новые рецепты в красочных кулинарных книгах, у меня был любимый кулинарный сайт.

А теперь я с отвращением подумала, что мне надо будет жарить мясо и готовить гарнир. Строгать салаты и печь торт. Макароны с сыром – и нормально, главное, что не голодный.

Не читалось, спать не хотелось. Я просто лежала на кровати – больничный пакет я разобрала: вышивку убрала подальше в комод, сканворды выбросила. Знакомо зашумел мотор. Всегда я старалась его встречать, если слышала машину.

Вечером Вадим был на смене, я сидела в комнате и слушала музыку. Я услышала, что звякнула калитка, и меня позвал Вадик. Я выбежала на кухню:

- Маргарита Викторовна, а где Вадим?

- На работе.
- Мне показалось, что он пришел.
- Когда такое происходит лучше никак не реагировать, это черти

говорят.

Надо же – черти. Сначала рассказывали истории про морских змей, которые догоняют пловцов и кусают их; потом небывалую по ужасу историю про змею-стрелу, которая проткнула верблюда; и история про змею, в которой фигурировал Вадим - она гналась за ним по веткам. Но черти, это что-то не из пресмыкающихся.

Я всегда висла у него на шее после рабочей смены. Теперь встречать идти не хотелось, но я встала. Я просто подставила щеку для поцелуя, а он меня крепко обнял.

- Хочешь, я принесу тебе ужин сюда, если ты с мамой ужинать не хочешь, - Влад аккуратно вешал брюки на плечики, - я понимаю.

А мне ведь надо будет гладить его белые рубашки и утюжить брюки со стрелочками.

Я закрыла глаза. Когда я только приехала Маргарита Викторовна сама гладила его рубашки. Недели через две я осмелела и предложила:

- Можно я буду гладить?

- Можно, только не подпали. И гладить лучше, когда рубашки слегка влажные, Для брюк марля под сушкой, гладить только через нее надо – брючная ткань блестеть будет.

Сейчас особенно и разницы никакой нет – будет Вадим ходить в плохо проглаженной рубашке, или с неровными стрелками, или с лоснящимися брюками.

Я ела всё, что положат мне тарелку. Завтра надо ненадолго снова вернуться туда, где все закончилось.

- Света, ты куда пропала? – мне позвонила наша староста, - тебя уже больше недели нет.

- Я болела гриппом, потом в больницу попала.

- Осложнения? Когда выйдешь? Все справки принеси только, с меня в медкабинете будут требовать.

- Принесу в среду, проблем нет.

12

Дорога была совершенно обычной, горы стоят также, но они меня больше не удивляют. Домик, мимо которого мне всегда нравилось проезжать, больше не привлекал своим уютом.

В нашей палате никого не оказалось, искать девочек я не хотела.

- Можно выписку забрать, я заглянула к своему врачу.

- Акимова? Ирины Григорьевны нет, она просила передать.

Крупная блондинка передала мне выписку. Я вышла из кабинета. В диагнозе с которым я поступила, значился «Внебольничный аборт на 5-6 неделях». Само это слово вызвало во мне волну негодования, почему «аборт»? Почему нельзя было написать «самопроизвольный»? Может быть по врачебной классификации все написано правильно, но чисто с обывательской точки зрения, к носителю такой справки оставались вопросы: если аборт, то почему не в больнице? И каким способом ты избавилось от ребенка в домашних условиях?

- Вадик, это ужасно, - я не думала, что снова буду плакать, - почему они так написали?

- Так иди и спроси.

Возвращаться я не стала, внебольничный, значит внебольничный.

Вадим собирался на дежурство, я лежала, обняв подушку руками.

- Завтра на учебу поеду, тебя после обеда увижу, три пары будет.

- Напиши, как доедешь, но мы же еще созвонимся?

Вадим сел на кровать и положил на меня голову. Я ничего не почувствовала. Положил и положил, раньше мне захотелось бы обнять в ответ, прижаться сильнее.

- Иди, опоздаешь.

К парам готовиться было не надо – только лекции. Моя любимая учеба, я соскучилась по ней, мне не хватало усталости в руке, после долгого написания лекций, тяжести в голове, после высшей математики.

Это было за день до встречи с Вадиком.

- Mam, я буду поступать в морской университет.

- Поступай, - мама даже не подняла глаза от книги.

- Mam, я серьезно буду поступать.

- Я же говорю - поступай.

Потом мы встретились, когда я пришла узнавать о поступлении. Он мне понравился необычным именем. До него знакомились Александры и Алексеи, а тут Ва-дик, если был Бенедикт, я наверное сразу бы замуж вышла.

Потом я стала ходить к репетитору по физике и математике. В свободные минуты переписывалась с Вадимом, а во все остальные тосковала по нему. После сдачи последнего экзамена, я села на поезд.

Мама плакала, а я хотела к Вадиму. Поступление – единственный повод легально остаться с Вадимом, еще и вдобавок в любимом городе.

Первый триумф – самое большое количество баллов по экзаменам у себя в группе, и я поступила сразу на три специальности, я выбирала более интересную по названию. «Гидрограф» - звучит интересно, еще и будущая работа будет связана с морем и построением карт или «гидрографических объектов». Вариантов нет, моя жизнь навсегда будет связана с морем, об этом я мечтала с детства, живя в середине материка.

Потом были другие успехи – сессии без «четверок», «отлично» по высшей математике и электротехнике, зачет «автоматом» у одной из группы по химии. Как можно было не любить учебу?

13

Автобус приехал как обычно в семь-сорок. Обычные люди, часть из них поедет дальше по краю, часть из них останется на работе в городе. Солнце вставало за городом, он казался белым, а море серым. Люди просто каждый день видят море и горы. Ничего особенного.

Ко мне подошла Катя.

- Где справка? отнеси врачу, она уже спрашивала.

- А мне обязательно надо ее показывать?

- А как ты хотела, со своих слов ей сказать?

Я пошла в другой корпус в перерыве между парами, показывать ей свою справку с «внебольничным абортom» я не хотела. В кабинете сидела маленькая крашенная старушка.

- Давай сюда справку, - она не поднимала глаз от толстого журнала

Я протянула ей с поликлиники, о том, что болела гриппом.

- А потом?

- А потом я лежала в гинекологии

- Давай выписку, - на этот раз она подняла глаза.

- Не дам.

- Значит, ты не болела.

Я ухмыльнулась, какая разница этой старой женщине до нескольких дней моего отсутствия?

- Звоните в больницу и узнавайте, - я развернулась, - до свидания.

После пар я обычно выскакивала из дверей университета и бежала на остановку, чтобы успеть на двухчасовой автобус. В первый раз, я сделала то, что хотела сделать всегда – пройтись пешком по своему городу.

Маленькие пятиэтажные дома тянулись вдоль единственного проспекта. Все было ухоженным: нигде не слезила краска, никто не знал, что такое пыль. Справа внизу – море и набережная, а здесь сплетение маленьких улочек, проулков, тупиков. В этой части города время стоит, оно не торопится, ты растворяешься в истории и уже не важно, когда ты живешь, ты уже часть истории. Таких прогулок за два года можно пересчитать по пальцам одной руки.

Крохотный двухсторонний автовокзал, с двумя шлагбаумами. Билеты покупать сложно – проще договориться с водителем. В автобусах со мной всегда разговаривали соседи. Может быть, потому что я люблю слушать чужие истории. Как правило, чужому человеку ты можешь сказать больше, чем самому близкому, поэтому мне нравилось слушать, какие истории хранит в себе обычный человек.

Вот и в этот раз со мной заговорил мужчина.

- С учебы? Ты не водишь? А у меня машина сломалась, а на работу надо.

- Нет, я в обычной жизни не внимательна, а на дороге совсем растеряюсь.

Он немного помолчал, ну раз уже начался разговор, то он обязательно продолжится, может быть человеку надо собраться с мыслями.

- Три года назад первая жена родила ребенка, из роддома она вышла одна.

Я молчала, что скажешь.

- Роды затянулись, врачи не простимулировали, наглотался воды и всякие вытекающие последствия.

Не я одна такая, есть истории и похуже.

- А у меня выкидыш был, только из больницы.

- Всякое случается, - он хлопнул меня по коленке, - но жизнь идет дальше, правда?

Я кивнула.

- А что с женой? Вы сказали, что она была первая.

- Мы развелись. Не понятно почему, но мы не могли вместе быть.

Все вроде по-старому, а вроде бы и нет.

Я молчала. И не я одна испытываю нечто похожее, даже здесь я не особенная. С Вадиком все было по-прежнему - он также заботился, спрашивал как я и где. Меня его переживания не трогали, самое плохое в этой ситуации то, что я не хотела платить ему тем же. Мне было все равно – целует, обнимает, приносит чай. Я почитала форумы – огромное количество переживают истории и похуже, но не разводятся, и никуда не уезжают. Мне же хотелось бежать.

- Вы с ней во всем соглашались?

- Конечно, она же такое пережила. Но подойти к ней было страшно, меня пугало как она может замереть и смотреть в одну точку.

Наверное это слишком личное, но я не удержалось и спросила:

- А кто из вас решился на развод?

- Жена. Согласись, это было бы слишком, если бы ее и муж бросил.

А теперь ничего - сын переворачиваться на прошлой неделе со спины на живот научился.

Вот, за что я люблю путешествия на автобусе – за реальные истории. Историй у всех – тысячи, но когда ты говоришь с реальным человеком о его истории, ты веришь, что многое не ломает людей, может даже оставить их такими, какие они есть

Меня встретил Вадик:

- Сладенькая моя, любимая, - он поцеловал мягкими губами, - как день прошел?

Я отстранилась, хотелось есть. На кухне была Маргарита Викторовна. Она всегда тщательно готовилась к обеду: ходила за только что привезенным хлебом в магазин, остужала водку в холодильнике, натирала тарелки до скрипа. А после обеда, она утомленная включала телевизор, и смотрела передачи про полицейских и их собак.

- В морозильнике вареники, сегодня налепила, - она едва кивнула в его сторону головой.

- Спасибо, я хотела яичницу.

Сразу же подскочил Вадим.

- Садись, - он усадил меня на стул, - я все сделаю.

Пока на сковородке шипело и потрескивало два яйца, Вадим накрывал на стол.

- Дай батон, хочу макать в желток.

Из-за того что рано был завтрак, я сидела и представляла тонкую пленочку с самого краю, нежный белок. Обязательно надо посолить на тарелке, если на сковородке, то соль успеет раствориться. Отломить попку батона, которая держит форму и крошиться, но внутри сжимается под пальцами, и макать ее в теплую середину.

- Зачем ты отрезал? – Вадик протянул мне отрезанный ломоть батона, - сама возьму.

Маргарита Викторовна неодобрительно посмотрела в мою сторону. Что скажешь, я и сама собой недовольна. Я же не виновата, в случайностях.

14

Вадим старался каждое утро отвозить меня на остановку к автобусу.

- Это лишнее, я сама могу дойти, - я показала на окно, - видишь, там солнце уже. И надо прогуляться, мне до двух сидеть.

- Как скажешь, я хотел только помочь, - он протянул телефон. – Как доедешь сразу напиши, чтобы я знал, что все в порядке.

Это начинало раздражать, наверное, потому что я не могла ответить на его заботу. Учеба продвигалась замечательно – началась сессия, экзамены были на половину сданы, потому что всю сессию отвечала на практических работах и сама решала лабораторные.

Когда я приходила после учебы домой, Вадим обнимал меня, и целовал.

- Фу, не надо, - я увернулась в бок, - ты же колючий.

Вадим отпустил меня, и обиженно сказал:

- Ну вообще-то, я вчера побрился.

- Извини, просто я привыкла к тому, что ты постоянно колючий.

А я просто привыкла к тому, что его поцелуи перестали нравиться.

Ладно, если бы поцелуи перестали нравиться – перестали нравиться все его действия, я придиралась ко всему.

- Зачем ты мне дал такую кружку? – я резко отодвинулась от стола, - я не могу пить кофе ведрами.

- Сиди, я принесу, - Вадик принес кукольную чашку, которую я непонятно для кого покупала.

Через несколько дней я бухтела по поводу слишком маленькой кружки. Я сама себе становилась невыносимой, как Вадим это выносил, оставалось для меня загадкой.

На консультации перед экзаменом вышла Катя и объявила:

- Есть два места на стажировку. На гидрографическое судно. Только для тех, у кого нет долгов и сессии закрыты на «отлично», - в аудитории молчание, такое предложение не каждому курсу дают, - уходит в июле, ориентировочно до октября его не будет. Понятно, что преимущество отдается парням, но у нас только двое кто закрывал сессии по их требованиям, - мое сердце бешено колотилось, - это Света и Никита.

Невероятный шанс попасть на практику по специальности, еще и куда – на судно.

Я об этом мечтала еще после десятого класса, когда решила где хочу учиться. Но папа был против морского дела:

- У тебя с такой профессией семьи никогда не будет.

- Пап, я сказала, что буду моряком. Правдой не правдой, но я буду ходить в море.

И теперь есть реальный шанс пойти в море.

- Катечка, я еду, - я встала, - сразу записывай мое согласие и говори какие документы надо приготовить.

Что скажет Вадим, я приблизительно догадывалась – он начнет медленно моргать, вздохнет и скажет: «А как же я? Я ведь буду по тебе скучать». Для меня это не просто практика, для меня это возможность передохнуть и все решить для себя.

Сказала только маме:

- Я рада, конечно, - мама помолчала, - но я думала, что мы с Сашей приедем, вместе будем отдыхать летом.

- Ты же понимаешь, какая эта возможность? – я разговаривала не дома, поэтому могла отчаянно жестикулировать, - всего лишь двое курсантов, и среди них я.

- Значит, потом приедешь, а Вадим что сказал?

- Мам, я пока не говорила, ну знаешь, - я подбирала слова, - чтобы он не тосковал заранее. Занимаюсь подготовкой документов, завтра паспорт заберу, сделали наконец.

Паспорт мне делали больше двух месяцев – пока отправили запрос домой, потом он шел обратно. Наверное, по обычной почте, раз так долго.

Я села на маршрутку до паспортного стола. Завибрировал телефон, это Вадим: «Позвони, как освободишься, я заеду за тобой». Нет, звонить я не буду, доеду сама.

Очереди не было, я подошла к окну. Та же самая крупная молодая женщина передала мне новый паспорт, я открыла – надо было поставить подпись. На фотографии едва заметно улыбалась девушка, глаза ее светились, самое глупое выражение, которое я когда-либо слышала относительно девушек. Но здесь это было правдой. Ну все, теперь эта

фотография, с тем предчувствием счастья, которое тогда было, останется со мной до сорока пяти.

15

Было утро, его второй выходной, Маргарита Викторовна задумала разбить клумбу, размером метр на метр. Она была на улице, и я могла рассказать о предстоящей экспедиции.

- Вадим, мне предложили пройти стажировку на судне, - я решила начать без лишних предисловий, - на пять месяцев практика.

Он сидел и не знал, что сказать, я встала и обняла его, сделала то, что от меня ждут в таком случае.

- Для меня это очень важно, представляешь, - я размечталась. - Если я себя покажу с хорошей стороны, они пригласят и на следующий год, или работу предложат.

- Я ведь буду по тебе скучать, - Вадик обхватил мои плечи.

Очень часто позы для объятий не являются удобными, зачем в таком случае люди обнимаются или целуются, остается загадкой.

- Мы будем писать друг другу, сейчас в этом нет сложностей, даже в море, - я выпрямила спину и продолжила, - и знаешь, может быть нам это пойдет на пользу.

- Мне не пойдет на пользу, - в его глазах появилось выражение вселенской грусти, как будто я навсегда отказалась от него, - я хочу, чтобы ты была рядом.

А я не уверена в то, что хочу быть всегда рядом с ним, но ведь это не возьмешь и не скажешь. В отношениях для сознательных людей, а я надеюсь, что к ним отношусь, есть один большой минус, ты не знаешь, как

выйти из отношений или сделать перерыв, не задев при этом чувства второго.

- Поехали, - Вадим взял ключи со стола, - мне так будет спокойно.

- Нет, нет, - я начала быстро говорить, чтобы он не смог перебить, - я хотела прогуляться и повторить все перед экзаменом.

Завершающий экзамен по ТУСу – теории устройства судна.

Мальчики знали, что их будут валить и задавать вопросы помимо тех, которые были в билеты, мы с Катей знали, что к девочкам на экзамене он относится лояльно, и если отвечаешь на один вопрос, он ставит «отлично» и отпускает домой.

Май здесь уже был летом, в университет уже как месяц вышел приказ о переходе на рубашку с коротким рукавом. Можно было не надевать под юбку чулки или колготки, а ходить с голыми ногами. По уставу обувь должна быть темная, и не босоножки, но я, в честь и славу экзамена, конечно, надела босоножки на платформе телесного цвета.

Шла в них я крайне медленно, поэтому я и увидела, как меня обгоняет автобус, пришлось бежать. Но дороги крайне не ровные в поселке, и нога попала в ямку посреди заасфальтированной дороги. Смотреть ногу было некогда, я побежала на автобус. Только, когда заняла свое кресло, увидела, что вся правая нога содрана, на ней вперемешку с пылью уже запеклась кровь. На экзамен со содранной ногой, но не это главное – я сказала Вадику, дело сделано.

На экзамене я забыла про свою ногу, все было такое морское. Экзамен был в аудитории на четвертом этаже, в кабинете были чертежи и разрезы судов, за окном кричали чайки, а если привстать, то можно увидеть море.

Вопросов было два, но я выбрала тот, на который точно знала ответ:
«Водоизмещение и коэффициент полноты судна».

- Можно? – Усов поднял на меня глаза, я хотела ответить через
десять минут после начала экзамена.

- Если готовы отвечать, то, пожалуйста, садитесь.

Я никуда не торопясь ответила. Он улыбнулся сквозь бороду и
сказал:

- Зачетку, и можете идти домой.

Солнце светит, море блистит, чайки хохочут, сессия закрыта.
Остается только петь, ничего не тяготит, я прошли под деревом
шелковицы, на меня упала темная ягода. На белоснежной рубашке остался
лиловое пятно, но это ерунда, главное прокипятить по приезду.

Автобус не заходил в поселок, и я вышла на верхней дороге - надо
было спуститься вниз на квартал. Клумба Маргариты Викторовны
выглядела аккуратной, она уже посадил венидиум, название я бы не знала,
если бы не подарила семена этого цветка на восьмое марта.

- Маргарита Викторовна, с праздником, - я протянула коробку с
разными семенами цветков.

- Спасибо, и тебя тоже, - она вздохнула и продолжила, - мне пока
зарплату не выдали, ты же понимаешь.

Конечно, я понимала. Да и подарки это не то, что нужно от нее.
Просто бы поменьше скептических взглядов и отрицания любых моих
идей.

Марграрита Викторовна тогда занялась пересыпанием земли в
горшки, и посадкой семян для будущей рассады.

Теперь эти цветы уже распустились, и яркими пятнами выделялись среди зеленой травы. Дверь в дом была открыта, я услышала голос Маргариты Викторовны:

- У тебя розовые очки на глазах. Ты же кроме Светы ничего не видишь.

Вадик ничего не отвечал. Подслушивать нехорошо, но и уйти, недослушав я не могла. Да и некуда было, я вроде пришла домой.

- Когда ты встречался последний раз с друзьями? Молчишь? Потому что это было так давно, что ты и не вспомнишь. Что ты с ней возишься как с маленькой?

Вадим ничего не говорил, жаль, что я не слышала начала.

- Может быть, потому что я ее люблю?

Ну вот, теперь его поступки подкреплены еще и словами, сказанные маме.

- Ты все делаешь за нее, - кто-то громко поставил тяжелый предмет на стол, - когда она в последний раз подметала?

Только бы собаки не выдали мое присутствие. Подметала я еще перед больницей, а потом было некогда, да и на несколько сломанных веток с деревьев я уже не обращала внимание.

- Я помогаю и Свете и тебе, ты разве этого не видишь? – Вадим не мог сделать меня лучше в глазах своей мамы.

Наверное логично проходить мимо пыли на дверном стекле, если ты себя не чувствуешь полноценным членом семьи, если тебя продолжают опекать, и учить с какой стороны правильно начинать мыть пол.

Я открыла калитку, которая едва слышно скрипит, но ее услышали и разговор прекратился. Я вошла в дом. Из нашей комнаты были вытащены

все мои вещи, в том числе и из шкафов. На пороге стояло ведро с грязной водой и полинялой тряпкой.

- Выгоняете? – в руках появилась злость, хотелось делать резкие движения, - сама уйду. Вадим, не поможешь?

- Куда ты собралась? – Вадик устало вздохнул и сел на стул, - неужели как-то мирно нельзя ничего решить.

Маргарита Викторовна фыркнула и пошла в свою комнату, хлопнув дверью.

- Вадик, я не останусь, - я достала свой чемодан из шкафа.

- Тогда и я уйду вместе с тобой.

Он принялся вытаскивать свои футболки из шкафа и складывать их ко мне в чемодан.

Из комнаты раздалась реплика Маргариты Викторовны: «Я бы не смогла сидеть и вышивать, зная, что у меня пыль везде».

- А я не смогла бы сидеть и пить, - я не выдержала и отозвалась в ответ.

Хлопнула дверь, Маргарита Викторовна запрыгнула на порог комнаты.

- Я не пью, - правый уголок рта был опущен, щеки раздувались, - ты ведь совсем ничего не делаешь. Просишь тебя помыть ванну, а ты даже этого сделать не можешь.

После этой реплики я внутренне успокоилась, это была неправда.

В тот день я подумала, что и правда ничего не делаю в доме и решила отмыть всю ванну. У Вадика с Маргаритой Викторовной был рабочий день, я включила на телефоне музыку и принялась за дело. Пыль, обломки волос забились во все щели кафеля, под действием воды все это

засохло. В углу ванны была паутина, я вытресла паучка на улицу. Оттерла чугунную ванну, помыла с моющим средством ковер. Зеркала отчистить от старых брызг капель было сложно, но вместе с очистителем стекол мы справились. Банки с шампунями, гелями я расставила по цветам на маленьком окошке. Вышло все очень симпатично.

Маргарита Викторовна приехала вместе с Вадиком вечером. Я вышла их встречать.

- Я всю ванну отмыла.

- Умничка моя.

Вадим притянул к себе, а Маргарита Викторовна пожала плечами и прошла в ванную комнату.

- Всего лишь ванну помыла? Банки все надо с окна убрать, - она потянулась к баночной радуге, - солнце днем светит, они все скиснут.

Через две недели после генпомывки я пришла домой.

- Фух, ну и устала я сегодня, - Маргарита Викторовна с шумом опустилась на диван, - всю ванну пока отмоешь, семь потов сойдет.

Что сказать, любое даже самое незначительное домашнее дело Маргарита Викторовна умела превращать в действие. Будь это мытье унитаза или перетаскивание цветов из дома на улицу, или их поливка - все занимало весь день, и к этому действию обязательно надо было готовиться.

- Вадимушка, завтра ковры будем пылесосить.

Это значило, что с самого утра начнутся хлопоты: надо достать пылесос, отодвинуть стулья, выгнать таксу во двор. Потом надо будет тщательно пылесосить каждую ворсинку на ковре, и не приведи господь, где-нибудь останется крошка – Вадим будет пылесосить с самого начала. А на следующие выходные эти ковры задумают вынести во двор и отбивать, а через выходные их расстелить на дворе, придет Марина,

выльет воду, даст жесткую щетку и покажет, как надо собирать волосы с ковров.

Я не умела превращать мытье посуды в драму в трех актах.

- Хорошо, я Вас поняла, - я открыла комод, что бы забрать нижнее белье.

- Ничего ты не поняла, - она махнула рукой и хлопнула дверью.

В тот год наши отношения были не по-родственному доверительными. Маргарита Викторовна потеряла после стирки свои лосины, в которых она ходила дома. Пришла Марина обсудить последние новости и узнала о пропаже.

- Они наверное где-то у вас, - она безапелляционно продолжала, - такое бывает, ты просто стянула с веревки и положил их к себе в шкаф.

- Я пойду, тогда проверю.

Я пришла в комнату, подняла майки, заглянула в комод – их нигде не было. Вадим сидел и отчаянно стучал по клавиатуре – было очередное сражение в виртуальном мире.

- Я посмотрела – их нет.

Марина тяжело оперлась руками о колени:

- Сейчас посмотрим.

Никак не думала, что она пройдет в комнату, отодвинет зеркальную дверь шкафа, посмотрит в сложенных футболках. Я стояла на пороге, и думала, что будет дальше. Следующим по списку был комод.

- Нижнее белье удобней хранить в тумбочке возле кровати, - она перебирала мои вещи, - нет, в этом нет.

Оставалось три ящика комода, я пошла чистить зубы, это успокаивает.

- Куда ты сейчас пойдешь? – Вадим сидел на стуле, я знаю, как он не любил конфликты, после них он всегда болел.

Главное, в последний момент не передумать, и не пойти на попятную, и не взять его с собой.

- Катя к себе пустит – у нее родители летом дом сдают, до начала экспедиции осталось всего две недели,- я присела на краешек кровати, - сейчас все поуспокоится дома, через полгода забудется. А если ты уйдешь сейчас со мной, то вернуться нам обоим будет гораздо сложнее.

- Что ты предлагаешь мне сделать сейчас? Отвезти тебя до автовокзала или до Кати вот так просто?

Вадик... он даже не представляет, до чего просто мне взять чемодан и уйти. Сейчас это сделать проще, чем когда-либо.

- Не надо провожать, - я похлопала чемодан, - он на колесиках. Знаешь сам, долгие провода ...

- Да как ты не поймешь, - Вадим резко встал со стула, - я не могу тебя отпустить непонятно к кому, - он взял ключи. – Я еду с тобой.

- Нет, давай не будем ругаться хотя бы с тобой, мне надо какое-то время прийти в себя. Я позвоню.

Чемодан не был тяжелым, оказывается моих вещей не так много в этом доме – они даже полностью не заполняют чемодан.

- До свидания, - я крикнула в сторону кухни.

Мне никто не ответил. Во дворе в будке спал Тоша, внизу слышался звонкий голос Мухтара. Я протащила до калитки чемодан – во дворе давно

стерся асфальт. За мной скрипнула калитка, как и всегда, только я знала, что в этот дом я не вернусь.

